

A man and a woman are walking away from the viewer on a railway track. They are holding hands and their silhouettes are dark against the bright light at the end of the tracks. The tracks lead towards a bright, hazy horizon where a city skyline is faintly visible. The sky is a deep blue, and the overall atmosphere is one of hope and journey.

*Небо над станцией
"Надежда"*

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев

Небо над станцией "Надежда"

«Автор»

2026

Патрушев С.

Небо над станцией "Надежда" / С. Патрушев — «Автор», 2026

Мир рухнул в одночасье. Утром он пил кофе, собирался на свидание и не верил в новости о войне, а днём небо над Москвой уже затянул ядерный гриб. Двадцатипятилетний Серёга теряет всё: связь, дом, привычную жизнь, но не способен потерять лишь одного человека - свою Аню. Когда её похищают в хаосе первых часов, он совершает то, что система назовёт дезертирством, а сердце — единственным путём. Он спускается в подземный мир метро, ставший убежищем, тюрьмой и последним полем боя, чтобы пройти сквозь огонь, страх, голод и отчаяние. Сквозь мрак тоннелей, где люди делятся на жертв и хищников, он несёт только одно: память о её улыбке. Это история о том, что спасти одного человека иногда важнее, чем спасти весь мир. О том, как любовь становится актом сопротивления, когда всё остальное теряет смысл. И о том, что даже одна пуля, пронзившая два сердца, не в силах их разлучить. Трагическая, светлая и пронзительная сага о верности до последнего вздоха.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Суббота, 10:00	5
Глава 2. Вспышка	13
Глава 3. Бег через город	21
Глава 4. Пустая квартира	28
Глава 5. Облава	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Патрушев

Небо над станцией "Надежда"

Глава 1. Суббота, 10:00

Пробуждение было мягким, почти невесомым, словно сама реальность неохотно отпускала Серёгу из своих тёплых, вязких объятий. Система климат-контроля, уловив малейшее изменение его сердечного ритма и альфа-активности мозга через сенсоры, вплетённые в наволочку, начала свой утренний ритуал. Сначала она плавно, в течение десяти минут, увеличила интенсивность освещения, имитируя рассвет над Тихим океаном, которого он никогда не видел вживую. Стены спальни, ещё секунду назад бывшие глубокого, успокаивающего оттенка индиго — цвета, рекомендованного его персональным сомнологом для оптимальной выработки мелатонина, — начали теплеть, наполняясь янтарным свечением, переходя в нежный абрикосовый, а затем и в чистейший белый свет, идентичный по спектру утреннему солнцу где-нибудь на Мальдивах. Где-то на периферии сознания мягко запустился протокол "Нежное утро": с потолочных диффузоров, спрятанных за акустическими панелями, донесся едва уловимый, многослойный аромат. Первый слой — свежемолотый кофе, эфиопская "Иргачеффе", с её характерными цитрусовыми нотами. Второй — тёплый круассан, миндальный, маслянистый, с лёгким оттенком ванили. Третий, фоновый — запах скошенной травы и влажной после дождя земли, который он когда-то запрограммировал сам, тоскуя по даче, на которой не был уже лет пять. Запахи были синтезированными, но нейросеть, управлявшая домом, знала его обонятельные предпочтения до мельчайших нюансов, смешивая молекулы в идеальных пропорциях, чтобы вызвать не просто ощущение, а эмоцию, тёплое, щемящее чувство беззаботности.

Серёга потянулся, чувствуя, как умная ткань постельного белья, состоящая из миллионов микроскопических волокон с памятью формы, подстраиваясь под каждое движение его тела, деликатно массирует затекшие за ночь мышцы спины, плеч и шеи. Ткань анализировала точки напряжения и посылала туда мягкие, пульсирующие волны микро-давления, разгоняя кровь и снимая усталость. Он не открывал глаз ещё секунд тридцать, а может, и целую минуту, наслаждаясь этим моментом абсолютного, стерильного, продуманного до мелочей комфорта. В эти мгновения он чувствовал себя не просто человеком, а центром вселенной, вокруг которого вращается самый сложный механизм, созданный для его единоличного блага.

2030 год. Мир, в котором он жил, достиг той точки удивительного равновесия, когда технологии перестали быть чем-то чужеродным, пугающим или требующим постоянного внимания. Они больше не кричали о себе, не выпячивали свою сложность, не требовали обновлений и перезагрузок. Они стали продолжением нервной системы, тихими, услужливыми помощниками, работающими в фоновом режиме, оберегая его покой и предугадывая желания раньше, чем они успевали оформиться в мысль. Можно было просто существовать, просто быть, и мир подстраивался под тебя, как жидкая, умная субстанция. Серёга, двадцатипятилетний архитектор нейросетевых интерфейсов, работающий в одной из ведущих лабораторий "Сколково-Тех", как никто другой понимал, сколько сложнейшего кода, сколько петабайт обучающих данных и сколько гигафлопс вычислительных мощностей стоит за этой иллюзией простоты. Он сам создавал подобные системы, обучал их понимать человеческие эмоции, переводить хаос нейросигналов в стройные, гармоничные действия. Его работа была сродни работе композитора

или художника, только вместо красок и нот он использовал массивы данных и нейросетевые веса. И сегодня, в эту субботу, у него был заслуженный выходной, который он планировал провести с абсолютной пользой для души.

— Эй, дом, хватит, — произнёс он чуть хриплым со сна голосом, обращаясь в пустоту, к невидимым микрофонам, вплетённым в стены. — Я уже понял, что проснулся. Завершаю протокол.

Свет мгновенно перестал имитировать робкую зарю и стал просто светом, ровным, чистым, с идеальной цветовой температурой в 4000 кельвинов — нейтрально-белым, бодрящим. Запах кофе и круассанов исчез, уступив место нейтральной свежести горного воздуха, лёгкому бризу с нотками можжевельника. Серёга сел на кровати и опустил босые ноги на тёплый, подогреваемый снизу пол из микроцемента — тактильно приятный, с лёгкой шероховатостью. Кровать, следуя заложенному алгоритму, бесшумно трансформировалась, приподнимая изголовье, чтобы ему было удобнее встать, и слегка подталкивая его вперёд. Окно во всю стену, ещё минуту назад бывшее идеально чёрным благодаря активной поляризационной плёнке, сменило режим на "Прозрачность 80%", и в комнату хлынули потоки яркого, почти осязаемого солнечного света. Москва-Сити, сверкающий лес из стекла, композитных материалов и вертикальных садов, предстала перед ним во всей своей футуристической, почти инопланетной красе.

С высоты сорок пятого этажа город выглядел безупречно спроектированным, живым механизмом. Потоки аэротакси — беспилотных капсул различных форм и расцветок, — похожие на стайки неторопливых, сонных стрекоз, скользили в строго выделенных воздушных коридорах на разных высотных эшелонах, соблюдая невидимую, но нерушимую разметку. Их движение было гипнотически плавным. Внизу, на уровне земли, по многоуровневым магистралям, разделённым на зоны для грузового, пассажирского и личного транспорта, бесшумно текли электромобили всех мастей — от компактных городских "капсул" до представительских седанов с полностью глухими тонированными стёклами. Между транспортными артериями, по выделенным зелёным зонам, уже прогуливались люди, наслаждаясь субботним утром. Архитектура больше не была агрессивной, прямоугольной, давящей; преобладали плавные, бионические, обтекаемые формы, подсмотренные у природы. Фасады небоскрёбов были увиты многоярусными вертикальными садами, с которых каскадами спускались зелёные побеги и яркие цветы. На крышах многих зданий располагались полноценные сады, оранжерии и бассейны. Это был мир, прошедший пик цифровой истерии и вошедший в фазу умиротворённого, зрелого симбиоза с технологией. Эра "Тихого комфорта", как её окрестили футурологи и социологи, изучавшие смену технологических парадигм.

Серёга прошлепал в ванную комнату — пространство, отделанное крупноформатным керамогранитом с рисунком итальянского мрамора, — где зеркало во всю стену поприветствовало его краткой, ненавязчивой информационной сводкой на предстоящий день. Поверх его собственного, слегка помятого отражения, изящным, минималистичным шрифтом всплыли строчки. "Суббота, 15 июня 2030 года. 10:03. За окном +24°C, солнечно, ветер юго-западный, 3 м/с. Качество воздуха: отличное, индекс AQI 12. Уровень УФ-излучения: средний. Рекомендуются лёгкая защита с SPF 30". Ниже располагался его личный календарь, синхронизированный с нейроимплантом и системой "Умный Дом". "11:30 — Встреча с Анной. Локация: кофейня 'Зерно' на Патриарших прудах. Резервирование столика: терраса, место №4. Напоминание: заказать пикник-сет 'Прованс' в сервисе 'ГастроСфера'. Беспилотная доставка к 12:30 в точку randevu у Малой Бронной". Серёга улыбнулся своему отражению, глядя в собствен-

ные, ещё немного заспанные глаза. Аня. Это имя мгновенно разогнало остатки сонного тумана лучше всякого кофеина, лучше любого протокола "Нежного утра".

Он взял зубную щётку — ультразвуковую, с функцией анализа состава слюны и микрофлоры полости рта. Пока он водил ею по зубам, на рукоятке загорелся индикатор, и миниатюрный экран на зеркале выдал рекомендацию: "Уровень pH: норма. Обнаружено незначительное превышение углеводного маркера. Рекомендация: снизить потребление быстрых углеводов в первой половине дня". Он хмыкнул. Вчера они с коллегами отмечали успешный запуск нового модуля, и он позволил себе лишний кусок тирамису в корпоративном кафе. Система не прощала слабостей. Чистя зубы, он мысленно прокручивал предстоящий день, словно смакуя его наперёд. Они договорились поехать за город, в один из многочисленных рекреационных кластеров Новой Москвы, подальше от делового, стерильного ритма стеклянного центра. Аня хотела найти место, где можно устроить пикник на настоящей траве, у настоящего озера, а не у его цифровой имитации, не у голографической проекции, пусть и сверхреалистичной. Она говорила, что хочет слышать живых птиц, а не симуляцию их пения, и чувствовать запах воды, а не её ароматизированный аналог. В ней была эта глубинная, почти атавистическая жажда настоящего, живого контроля, тактильной подлинности, которая так восхищала его и в то же время вызывала лёгкую, смутную тревогу. Она отказывалась от многих удобств, которые он считал неотъемлемой частью жизни. Сам он предпочитал, чтобы машина везла его сама, позволяя в это время работать с интерфейсами в дополненной реальности или просто отдыхать, отключившись от потока данных.

Закончив с гигиеническими процедурами, он открыл панель умного гардероба — встроенную в стену систему с конвейерной подачей одежды. На сенсорном экране высветился набор, сформированный на основе анализа погоды, его планов на день и, что забавно, недавних лайков Ани к его образам в социальной сети "Эхо". Система помнила всё. Светлые льняные брюки свободного кроя, почти невесомые, которые не сковывали движений и "дышали", создавая ощущение прохлады. Рубашка из инновационной ткани песочного цвета — материал с микроскопическими отверстиями, расширяющимися при повышении температуры тела. Удобные, но стильные мокасины из мягчайшей экокожи, спроектированные с учётом анатомии стопы. Система предлагала добавить к образу тонкий серебристый браслет-компаньон, который мог проецировать мини-интерфейс и мониторить его состояние. Серёга мотнул головой, отвергая предложение. Сегодня ему хотелось минимализма, почти аскетизма, хотя бы в одежде. Он быстро оделся, чувствуя, как ткань приятно холодит кожу, как рубашка струится, почти не ощущаясь на теле.

Потом он подошёл к кухонному острову — минималистичной, парящей стойке, выполненной из белого кварцевого агломерата и массива тёмного дерева, подсвеченной снизу мягким светодиодным контуром. Нажатием сенсора на столешнице он заказал себе кофе. Кофемашина — сложный агрегат, занимавший часть шкафа, — утробно заурчала, перемалывая зёрна. За минуту она сварила идеальный раф-кофе по его личному рецепту, который он с помощью Ани калибровал несколько месяцев, добиваясь идеального баланса между горечью эспresso, сладостью сиропа и нежностью вспененных сливок. Взяв тёплую, приятно тяжёлую чашку из костяного фарфора, он переместился в гостиную — самое большое и светлое помещение в квартире, главным украшением которого была панорамная стена с видом на город. Пространство наполнила тихая, ненавязчивая музыка. Алгоритм, проанализировав его утреннее состояние, поставил трек из плейлиста "Для спокойного утра". Сложная, многослойная электроника, плавно перетекающая в эмбиент, с вплетёнными звуками леса и пения птиц, которые были именно реальными записями, а не симуляцией — Аня бы оценила.

Серёга сел в своё любимое кресло — анатомический шедевр, который принял форму его тела с идеальной, молекулярной точностью, обхватив поясницу и шею мягкой, поддерживающей упругостью. Он сделал глоток кофе и жестом руки, отработанным до автоматизма, развернул перед собой большой, полупрозрачный экран домашнего медиацентра. Пора было проверить новостной фон, скорее по глубоко въевшейся профессиональной привычке быть в курсе событий, чем из реального, живого интереса. Новостная лента, управляемая всё той же вездесущей нейросетью, агрегировала заголовки, которые она считала для него релевантными, отсеивая информационный мусор. Параллельно он открыл меню сервиса "ГастроСфера", чтобы заказать корзину для пикника. Пальцы ловко порхали в воздухе, взаимодействуя с голографическими иконками, перелистывая страницы, выбирая опции.

В правой части его поля зрения побежали новости. "Стартап 'Neural Bridge' из Кремниевой долины анонсировал первый коммерческий нейроинтерфейс для прямого обмена эмоциями. Инвесторы в восторге, этики бьют тревогу". Серёга фыркнул, не сдерживая скепсиса. Обмениваться эмоциями напрямую? Он, как специалист, знал, насколько грязен, хаотичен и перегружен шумами необработанный нейросигнал. Эмоция — это не просто точка данных, это самый сложный коктейль из нейромедиаторов, гормонов и электрических паттернов. Без сложнейшей, многоэтапной предобработки передать другому человеку даже простую эмпатическую волну — всё равно что выплеснуть ему в мозг ведро несортированного информационного мусора, вызвав не понимание, а головную боль и отторжение. Пока это был чистый хайп, погоня за инвестициями на красивой идее.

Следующий заголовок: "Евросоюз окончательно утвердил стандарты цифровой идентичности: все биометрические данные граждан переходят под контроль единой блокчейн-платформы 'Aegis'". Тоже ничего нового. Это обсуждали последние лет пять, были и сторонники, и яростные противники, говорившие о цифровом концлагере. Серёга относился к этому нейтрально. Прозрачность данных казалась ему неизбежным этапом эволюции. Заголовки мелькали, не вызывая практически никакого эмоционального отклика, пока один из них, мигнув тревожным оранжевым маркером важности и системным тегом "Внимание: эскалация", не заставил его взгляд буквально застрять.

"Генеральный секретарь ООН призывает к экстренным консультациям в связи с обострением ситуации в Восточно-Европейском регионе".

Он невольно нахмурился и, ведомый скорее раздражением от того, что безмятежность утрачена, чем реальным беспокойством, открыл полный текст. В заметке, снабжённой картой и графиками, говорилось о резком, беспрецедентном наращивании военного контингента "Северо-Атлантическим Альянсом" вблизи границ Евразийского Союза — прямо вдоль линии разграничения, которая последние годы была относительно спокойной. Упоминались какие-то "учения" с кодовым названием "Несокрушимый щит", которые "вышли из-под контроля", инцидент с пересечением воздушной границы в небе над Балтикой, взаимные обвинения в кибератаках на критическую информационную инфраструктуру. Язык статьи был сухим, намеренно канцелярским, лишённым эмоций, но от этого ещё более тревожным — так обычно пишут о вещах, масштаб которых страшно осознать. Серёга машинально скользнул взглядом вниз, в комментарии, которые нейросеть формировала в режиме реального времени, кластеризуя и отражая общий эмоциональный фон аудитории. Это была его привычка — смотреть не на новости, а на реакцию на них.

"Очередная информационная война. Ничего не будет, как в 23-м, все раздуется и лопнет."

"Да кому нужна эта война в 2030? Взаимные экономические санкции разорят обе стороны за неделю. Это самоубийство. Бред сивой кобылы."

"Паника разводится специально, чтобы обрушить фондовые рынки в понедельник. Ждите коррекцию и скупайте активы."

"Скучно. Когда уже новости про колонизацию Марса? А, нет, опять политика и мёртвые динозавры у власти."

"Автор, выключи телевизор. Выйди на улицу, солнце светит, жизнь прекрасна."

Серёга прокрутил ленту ещё немного и медленно выдохнул, чувствуя, как напряжение, только начавшее было формироваться в плечах, отпускает. Комментарии успокаивали, возвращали в зону комфорта. Они идеально отражали то, во что верил он сам, то, что было частью его картины мира, его личной аксиомой. Мир, опутанный невидимыми, но прочнейшими экономическими, цифровыми, энергетическими и логистическими связями, просто не мог позволить себе глобальный конфликт. Это было бы не просто глупо, это было бы коллективным самоубийством цивилизации. Логика глобального капитала, логика тотальной взаимозависимости, которую им вдалбливали в головы с младшей школы на уроках "Глобальной этики", делала войну экономически нецелесообразным анахронизмом, чем-то из тёмных учебников истории XX века. Обострения случались и раньше, с периодичностью раз в несколько лет, словно приступы хронической болезни, которую научились купировать. Они всегда заканчивались закулисными договоренностями, новыми раундами санкций, которые быстро учились обходить через третьи страны, и ритуальными заверениями в приверженности миру. Никто в это не верил. Никто из его окружения, из его цифрового, рационального племени, живущего в мире чистого интеллекта и материального комфорта, не мог воспринять угрозу всерьёз. Война была чем-то иррациональным, варварским, а их мир был построен на абсолютном культе рациональности, эффективности и безопасности.

Он решительно смахнул новостную ленту в сторону, будто физически отодвинул назойливый, липкий предмет. Палец завис над кнопкой "Заказать" в меню "ГастроСферы". Он выбрал набор "Пикник Прованс", внимательно изучив состав. Тарталетки с нежнейшим муссом из авокадо и королевской креветкой. Миниатюрные киши с норвежским лососем и молодым шпинатом, приготовленные из безглютеновой муки (Аня следила за питанием). Свежие ягоды — малина, голубика, ежевика — в элегантной корзинке, сделанной, как было указано, из бельгийского органического шоколада. И бутылка превосходного безалкогольного игристого вина из отборного крымского винограда. Аня не пила алкоголь совсем, принципиально, и он её в этом полностью поддерживал, даже находя в этом особый, осознанный шик. Система подтвердила заказ, издав мелодичный сигнал, сняла средства с его единого цифрового кошелька и сообщила, что дрон-курьер с термоконтейнером доставит корзину точно к 12:30 в указанные геоординаты — на лужайку у Патриарших, прямо к их любимой скамейке.

Допив кофе и отставив чашку, он почувствовал знакомую, едва уловимую вибрацию на периферии сознания — уведомление от нейроинтерфейса пришло прямо в зрительный нерв, мягкой фосфоресцирующей вспышкой в верхней левой части поля зрения. Сообщение от Ани. Он моргнул особым образом, активируя протокол чтения. Строчки текста развернулись перед внутренним взором.

"Привет, соня. Уже не спишь? Я возле 'Зерна', тут потрясающе пахнет свежей выпечкой. Аромат плывёт на всю улицу, я даже немного пьяна от него. Жду тебя. Платье надела, то самое. :)"

Короткое, тёплое сообщение, написанное с её характерной, чуть старомодной пунктуацией со смайликами, с её манерой создавать маленькую интригу, вызвало у него мгновенный прилив тепла и нежности, растекающийся откуда-то из солнечного сплетения. "То самое" платье. Он знал, о каком идёт речь — лёгком, салатном, с рисунком из полевых цветов, которое безумно шло к её глазам. Он тут же, не задействуя голос, силой мысли активировал набор нейро-гарнитуры и отправил ответный импульс — сложную, кодированную волну, означавшую целый комплекс чувств: "уже еду, предвкушаю встречу, ты прекрасна, я счастлив". Нейросеть-посредник преобразовала его эмоциональную смесь из радости, лёгкого нетерпения, нежности и восторга в простую, но ёмкую фразу, которую увидит Аня: "Выезжаю через 5 минут. Уже соскучился. P.S. Жужа заряжена? Сделай глоток воздуха за меня, пока я не приехал".

Он встал, потянувшись всем телом так, что сладко хрустнули суставы и заныли мышцы, разгоняя кровь. Квартира вокруг него замерла в режиме ожидания, перейдя на экономичный сценарий "Отсутствие", готовая в любой момент, по одному сигналу, вернуться к активной жизни. Этот мир, вылизанный до блеска, предсказуемый, уютный и абсолютно безопасный, был его крепостью, его коконом. И ему предстояло покинуть её, чтобы окунуться в мир настоящий, с запахом разогретого асфальта, смехом Ани, случайными звуками города и ощущением живого, некондиционированного ветра на коже. План был прост и прекрасен в своей незамысловатости: кофе с самой красивой и живой девушкой на планете, затем неспешный путь за город по плавно уходящей вверх эстакаде, прочь от геометрии высоток, и блаженное, ленивое ничегонеделание где-нибудь у воды, в тени старой, кражистой ивы.

Он подошёл к входной двери — массивной, но двигающейся абсолютно бесшумно. Она отъехала в сторону, повинувшись касанию его ладони. Лифт уже ждал его, подсвеченный мягким, зеленоватым светом. Серёга шагнул внутрь, и двери закрылись, мягко отсекая его от стерильного комфорта квартиры. Впереди была суббота. Впереди было свидание. Впереди была целая жизнь, распланированная, понятная, наполненная простыми, осязаемыми радостями.

В голове, пока лифт плавно скользил вниз, отсчитывая этажи, мелькнула непрощенная, шальная мысль, заставив его внутренне поёжиться. Он вспомнил тревожный оранжевый маркер новости и подумал: а что, если мир вокруг — этот город, эти небоскребы, эта спокойная, сырая, расслабленная субботняя Москва — всего лишь карточный домик, построенный на песке коллективного гипноза? Что, если комфорт, пронизавший каждую клетку его тела, каждую мысль, — это лишь тонкая золотая фольга, под которой скрывается всё та же старая, добрая, вечная человеческая глупость, готовность убивать друг друга за абстрактные линии на карте? Ему стало неприятно от этой мысли. Он тряхнул головой, отгоняя наваждение. Это всё нейросети. Слишком много информации за завтраком. Мозгу нужен отдых, цифровой детокс. Сегодня — день тишины, день реальности.

Лифт мягко остановился. Панорамная дверь открылась прямо на подземный парковочный этаж, где царили прохлада и идеальный порядок. Среди множества машин, похожих на отдыхающих спящих футуристических жуков, его ждала Анина "Жужа" — изящный каплевидный электрокар цвета летней морской волны, с панорамной крышей. Серёга улыбнулся, коснувшись ладонью её гладкого, тёплого от ламп освещения бока. Система считала его биометрию, приветливо мигнув фарами и разблокировав дверь, которая поднималась вверх, словно

крыло. Он сел в кокпит, пахнувший новой, чуть терпкой экокожей и — тонко, едва уловимо — Анины духами. Тактильные панели управления мягко засветились под его пальцами, предлагая свои услуги. Умная система навигации, сверившись с городским трафик-центром, предложила три маршрута до Патриарших, оптимизированных по разным параметрам: "Самый быстрый", "Самый живописный" и "С минимальным расходом энергии". Он выбрал самый быстрый, потому что терпение, подогретое предвкушением, было на исходе.

Двигатель не загудел, не завибрировал — машина просто начала бесшумно и плавно парить над полом паркинга, ведомая мощными электромагнитами, выезжая на зеркальный пандус. Ворота с логотипом жилого комплекса открылись, и в салон хлынул настоящий, яркий, почти ослепляющий солнечный свет, заставив его на мгновение зажмуриться и надеть лёгкие фотохромные очки, валявшиеся в подстаканнике. Город встретил его сложносочинённым гулом, смешанным из множества звуков: шороха шин, далёкого, рассыпчатого смеха, шелеста листвы вертикальных садов, гула пролетающих над головой дронов и низкого, вибрирующего гула большого города. Это был не белый шум его квартиры. Это была настоящая, живая, многоголосая симфония жизни, в которую он с радостью влился.

Он активировал ручное управление, положив руки на тёплый, обтянутый перфорированной кожей штурвал. Ему вдруг захотелось почувствовать дорогу самому, вопреки обыкновению. Захотелось ощутить, как машина отзывается на малейшее движение, как она входит в поворот. Желание живого контроля, так свойственное Ане, похоже, было заразным. Машина послушно передала контроль, но осталась наготове, бесшумно страхуя каждое его движение, готовая в любой момент перехватить управление в случае опасности. Серёга вырулил на залитую солнцем, мерцающую бликами улицу, встраиваясь в плотный, но плавный поток. Впереди маячило здание с немыслимыми, плавными очертаниями, похожее на гигантскую морскую раковину или коралловый риф. Новая филармония. Он проезжал мимо, и мысли вновь переключились на предстоящий день, на лицо Ани, которое он увидит через несколько минут. Она наверняка уже выбрала их любимый столик на террасе, под старым платаном, и нетерпеливо поглядывает на экран своего браслета, покусывая губу. В "Зерне" подают фантастический, не сравнимый ни с чем раф с лавандой, и она, зная его почти маниакальную любовь к кофе, наверняка уже заказала ему большую чашку.

Оранжевый маркер тревожной новости ещё пару раз некстати, словно заноза, всплыл в памяти, но он решительно, волевым усилием задавил это воспоминание, стёр его, как стирают пыль с сенсорной панели. Политические игры сильных мира сего не имели к нему, Серёге, ровным счётом никакого отношения. Его битвой была битва за чистоту и эффективность кода, за элегантность архитектуры нейросети, а его мирным договором — улыбка Ани, её смех и ощущение полного, безграничного счастья рядом с ней. Город за окнами машины жил своей тихой, размеренной, субботней жизнью: молодая мама с коляской, напоминающей космический модуль, выгуливающая собаку-робота; старик в элегантном пальто, сосредоточенно читающий что-то с гибкого, свёрнутого в трубочку прозрачного планшета на увитой плющом скамейке; группа подростков, смеющихся над какой-то голограммой, парящей в воздухе. Вот он, настоящий мир. Тактильный, подлинный, живой. И никакой политический кризис не способен его разрушить. В это просто невозможно было поверить. Это было бы дикостью, непредставимым сценарием, ошибкой в матрице реальности.

Серёга слегка прибавил скорость, чувствуя, как лёгкий, послушный электрокар отзывается на его желание, плавно ускоряясь. В зеркале заднего вида Москва-Сити медленно отдалялся, превращаясь в сверкающий, почти нереальный мираж на горизонте. Впереди был ста-

рый, намоленный центр города, старые, извилистые улочки, запах лип и свежемолотого кофе, смех Ани, её светящиеся глаза. Впереди была жизнь, и она была прекрасна в своей осязаемой простоте. Он выкинул из головы всё лишнее, весь информационный шум, и сосредоточился на дороге, на ощущении скорости, ветра из приоткрытого окна и острого, почти физического предвкушения встречи. Навигатор мягко, ненавязчиво скомандовал поворот направо, и "Жужа", шелестя шинами по нагретому, слегка пахнущему летом асфальту, послушно нырнула под густые кроны деревьев старых московских переулков, увозя Серёгу от его высокотехнологичного убежища в сторону простого, ничем не замутнённого человеческого счастья. Сегодня был день, когда ничто не предвещало беды. День, в который новости о войне казались просто шумом из другого, нереального, призрачного измерения, не имеющего силы над их миром.

Глава 2. Вспышка

Цветочный магазин «Ботаника» располагался в полуподвальном помещении старого московского дома на Малой Бронной, буквально в двух шагах от кофейни «Зерно», где его уже двадцать минут ждала Аня. Это был один из тех уголков старой Москвы, которые чудом уцелели под натиском стекла и бетона, — кривоватый переулок с облупившейся лепниной, с граффити на трансформаторной будке и с запахом свежей выпечки из соседней булочной. Дом, в котором ютилась «Ботаника», помнил ещё дореволюционные времена: массивные деревянные двери с медными ручками, высокий фундамент из дикого камня, узкие окна, забранные коваными решётками, покрашенными в чёрный цвет. Внутри подъезда всё ещё сохранилась метлахская плитка на полу — местами выщербленная, но по-прежнему хранящая в своих геометрических узорах эхо ушедшей эпохи, когда по этим ступеням поднимались дамы в шляпках и господа в котелках. Теперь же по ним ходили хипстеры в скрученных шапках, студенты консерватории с футлярами для скрипок и случайные прохожие, забредавшие с Патриарших прудов, — публика пёстрая, шумная, вечно спешащая, но неизменно замиравшая на мгновение перед витриной «Ботаники», потому что витрина эта была настоящим произведением искусства, менявшимся каждую неделю, словно декорация к новому акту бесконечного цветочного спектакля.

Серёга припарковал свою старенькую «Жужу» — электромобиль китайского производства, который он ласково называл именно так за характерный высокочастотный писк тормозов, — на ближайшем разрешённом пяточке у сквера, где по выходным собирались пенсионеры играть в шахматы. Место нашлось чудом: субботнее утро, казалось, выманило на улицы весь город, и свободных парковочных слотов не было уже начиная от Садового кольца. Он заглушил двигатель, откинулся на спинку продавленного сиденья, провёл ладонью по лицу, разгоняя остатки утренней сонливости, и вдруг отчётливо понял, что не может, просто не имеет права прийти на встречу с пустыми руками. Конечно, это было старомодно, даже немного нелепо в их эпоху — дарить живые, срезанные под корень цветы, обречённые умереть через несколько дней, когда можно было отправить ей на нейроинтерфейс целую симфонию эмоций, искусно смикшированную нейросетью специально под её текущее настроение, или заказать голографическую проекцию букета, который никогда не завянет, не осыплет лепестками стол, не потребует смены воды. Технологии давали бесконечные возможности для романтических жестов, не требующих почти никаких затрат: можно было даже арендовать на час персональное облако и выложить на нём её имя закатными красками, видимое всему городу. Но Аня любила именно живые цветы. Она любила их недолговечность, эту щемящую, почти трагическую предопределённость увядания, заложенную в каждом срезанном стебле. Она говорила, что именно в их эфемерности и заключена вся суть красоты, вся её пронзительная, невыносимая сила, потому что ничто не заставляет нас ценить мгновение так остро, как осознание его конечности. Аня была архитектором по образованию и философом по натуре, она могла рассуждать о метафизике цветка часами, и Серёга, прагматик до мозга костей, инженер-схемотехник, привыкший мыслить категориями напряжения, сопротивления и целостности цепей, всегда слушал её, затаив дыхание, потому что в её словах ему открывалась какая-то иная, параллельная реальность, где вещи имели душу, а не только технические характеристики. И он, поддавшись этому порыву — тёплому, почти детскому желанию сделать ей приятное, — решительно толкнул тяжёлую дверь и зашёл внутрь.

Внутри «Ботаники» царил влажный, густой, многослойный аромат, который не могла воспроизвести ни одна, даже самая совершенная система климат-контроля с её ионизаторами,

увлажнителями и сменными картриджами с искусственными отдушками. Здесь пахло мокрой, жирной, рассыпчатой землёй, пахло зелёными, истекающими соком стеблями, пахло приторной, почти неприличной сладостью распустившихся пионов, чьи тяжёлые головки клонились под собственной тяжестью, и благородной, холодной терпкостью эвкалипта, чьи круглые сизые листья поблёскивали, словно отполированные монеты. Это был запах жизни — концентрированной, бьющей через край, не знающей никакой цифровой цензуры, — сконцентрированный в небольшом, прохладном, чуть сыроватом помещении, где даже воздух казался осязаемым, плотным, как вода. Потолок терялся в зелени: свисающие кашпо с орхидеями-фаленописами, чьи корни, похожие на зелёных гусениц, вылезали наружу, цеплялись за подвесы, переплетались между собой; ампельные фикусы, спадающие водопадами мелких листьев; традесканции, протянувшие свои фиолетовые побеги через всё помещение. Стены были увиты плющом и какими-то вьющимися растениями с нежными, полупрозрачными листьями, названия которых Серёга не знал и знать не мог, потому что его ботанические познания ограничивались способностью отличить розу от ромашки. Полки ломились от букетов на любой вкус и кошёлёк: здесь были строгие, архитектурные композиции из антуриумов и калл, предназначенные, вероятно, для официальных церемоний и банковских холлов; охапки садовых роз всех мыслимых оттенков, от кремового до пурпурно-чёрного; скромные букетики ландышей, завернутые в папиросную бумагу; и целые вёдра, набитые тюльпанами, словно разноцветными патронами. В углу, в большом керамическом горшке, рос лимон, и на его ветках висели два настоящих, крошечных, ещё зелёных плода. Всё это великолепие освещалось мягким, тёплым светом ламп накаливания, спрятанных под матовыми абажурами, — никаких тебе холодных диодных панелей с регулируемой цветовой температурой, только лампы, от которых шло едва уловимое, уютное тепло, как от маленькой печки.

За прилавком, сколоченным, казалось, из старых корабельных досок, стояла пожилая женщина в грубом холщовом фартуке, перепачканном землёй и зеленью. Лицо у неё было узкое, прорезанное глубокими морщинами, словно вырезанное из старого, потемневшего от времени дерева, — каждая складка рассказывала свою историю, каждая морщинка лучилась каким-то спокойным, умудрённым знанием жизни. Но глаза — глаза поражали: яркие, живые, глубокого василькового цвета, они смотрели на мир с цепким, молодым любопытством, совершенно не вязавшимся с её возрастом. Она явно была здесь хозяйкой и, судя по обстановке, принципиально не признавала никаких цифровых помощников. Никаких тебе сенсорных панелей с бесконтактной оплатой, никаких голографических меню с анимированными цветочными аранжировками, никаких автоматических касс, сканирующих содержимое корзины. Только настоящие цветы, настоящие, чуть зазубренные от долгой работы ножницы-секаторы и настоящие руки — узловатые, с вздувшимися венами, с въевшейся под ногти землёй, руки, которые каждый день прикасались к живым стеблям, срезали лишнее, формировали красоту. Серёга, выросший в мире, где любой сервис требовал подтверждения личности через нейроинтерфейс, а любой товар сопровождался цифровым паспортом, почувствовал острый, почти болезненный укол уважения к этой аналоговой упёртости, к этому осознанному выбору в пользу материального, осязаемого мира. Ему вдруг подумалось, что, возможно, именно такие люди — хранители аналоговых оазисов — и есть настоящая элита, подлинные аристократы духа, отказавшиеся от цифрового рабства ради сомнительной роскоши быть просто человеком, просто частью природы.

— Мне нужно что-то особенное, — сказал он, оглядываясь по сторонам и чувствуя себя немного растерянным, почти неловким перед этим буйством красок, форм и запахов. Слова прозвучали глухо, словно утонули в плотной, насыщенной влагой атмосфере магазина. — Для девушки.

Он хотел добавить что-то ещё, объяснить, какая она, эта девушка, что она любит, что она сейчас в кофейне через два дома, что они не виделись две недели и что этот букет должен сказать ей всё, что он не умеет выразить словами, — но осёкся. Зачем? Эта женщина, казалось, понимала всё без лишних объяснений, понимала на каком-то более глубоком, почти телепатическом уровне, доступном только тем, кто всю жизнь имеет дело с цветами и влюблёнными. Она понимающе улыбнулась — улыбка у неё оказалась неожиданно мягкой, почти девичьей, — отложила секатор, который до этого держала в руке, обрезая стебель гладиолуса, и неторопливо, с достоинством вытерла руки о фартук, оставив на нём свежие зелёные разводы.

— Для девушки, говоришь? — её голос был низким, грудным, с лёгкой, приятной хрипотцой, какая бывает у людей, много работающих голосом или, наоборот, долго молчащих. Она окинула его оценивающим, цепким взглядом, словно считывая с его лица, из его позы, из того, как он мялся у порога, всю историю его отношений с этой девушкой. — Молодым сейчас всё эти ваши розы в колбах подавай. Вечные розы, видите ли. Стоят по три года, не вянут, пыль только собирают. А что в них живого? Мёртвая красота, законсервированная. Как мумия. Нет, я тебе скажу так: если девушка настоящая, если она чувствует сердцем, а не нейрочипом, ей нужно что-то живое. Чтобы дышало. Чтобы умирало, да, но именно поэтому и было драгоценным. Вот, посмотри на эти ранункулюсы. Видишь, какие? Пышные, многослойные, как маленькие пионы, но нежнее, воздушнее. Лепестки будто из папиросной бумаги, шёлковые на ощупь. И стебель у них изящный, длинный, гибкий, как шея у танцовщицы. Или вот — матиола, скромница моя. Невзрачная на вид, цветочки мелкие, сиреневые, вечно в тени прячутся. Но ты понюхай, понюхай только! Пахнет так, что все духи мира отдыхают, честное слово. Её в старину «ночной фиалкой» звали, её специально у изголовья кровати ставили, чтобы сны сладкие снились. Но я бы тебе советовала взять микс. Собрать, так сказать, авторский букет. Несколько полевых цветов, немного благородной зелени, что-то фактурное, что-то воздушное. Чтобы было похоже, будто ты сам вышел ранним утром на туманный луг где-нибудь в Провансе и собрал их своими руками — ещё влажные от росы, ещё сонные, не распустившиеся до конца. Чтобы не было в нём этой магазинной прилизанности, этого бездушного лоска. Чтобы пахло свободой.

Серёга усмехнулся, невольно покачав головой. Прованс. Лавандовые поля, цикады, старые каменные фермы с провалившимися крышами, сиеста, вино, картины Ван Гога — это слово преследовало его сегодня, всплывало в разговорах и мыслях с удивительным постоянством, словно некий знак, некий символ, значение которого ему ещё предстояло разгадать. Может, это Аня вложила его в его подсознание своими бесконечными рассказами о путешествиях, а может, сама вселенная подавала ему какой-то смутный сигнал, намёк на грядущие события, разобрать который он не мог за неимением душевной чуткости.

— Давайте микс, — согласился он решительно, отбрасывая колебания. — Сделайте красиво. Соберите что-нибудь такое, чтобы дух захватило. Я вам доверяю.

Женщина кивнула с видом хирурга, приступающего к сложной, но рутинной операции, и принялась за работу. Она не просто выбирала цветы — она общалась с ними, разговаривала тихо, едва слышно, оглаживала стебли, прикладывала один к другому, оценивая сочетаемость оттенков и фактур. Её руки, ещё минуту назад казавшиеся грубыми и узловатыми, теперь двигались с отточенной, балетной точностью, с гипнотической ритмичностью, собирая композицию вокруг нескольких крупных ранункулюсов, словно вокруг солистов. Она добавляла то веточку воскового мирта, то пучок серебристой полыни, то кружевной зонтик амми, и букет на

глазах обретал объём, глубину, характер — он становился не просто набором цветов, а цельным высказыванием. Серёга заворожённо смотрел на неё, чувствуя себя свидетелем какого-то древнего таинства, а потом перевёл взгляд на витрину, выходящую на улицу. Малую Бронную заливал щедрый, медовый солнечный свет. Лучи, пробиваясь сквозь листву старых лип, росших вдоль тротуара, рисовали на асфальте дрожащие золотые пятна. Люди шли по своим субботним делам — неспешно, расслабленно, с мороженым, с книгами, с собаками на поводках. Девушка в льняном сарафане смеялась, откинув голову; её спутник, высокий бородатый парень в рубашке навыпуск, нёс два стакана с кофе и что-то увлечённо рассказывал. Старушка с тележкой на колёсиках остановилась поговорить с соседкой, и они обсуждали, вероятно, цены на творог или здоровье внуков. Кто-то катил детскую коляску с прозрачным дождевиком, кто-то выгуливал рыжего корги, смешно виляющего задом. У припаркованного у тротуара фургона грузчик в синем комбинезоне выгружал коробки с молочной продукцией, насвистывая что-то из Верди. Мирная, спокойная, идеально беззаботная суббота, полная той простой и понятной рутины, из которой и состоит счастье. Серёга чувствовал глубокое, почти медитативное умиротворение, разлившееся по телу тёплой волной. Где-то на самой периферии сознания, словно прилипчивая, навязчивая мелодия, которую невозможно выкинуть из головы, ещё звучало эхо той утренней тревожной новости, случайно пойманной по радиоприёмнику, — что-то про обострение на границах, про ультиматумы, про какие-то передвижения войск, — но здесь, в этом аналоговом убежище, эта информация казалась абсолютно нереальной, чужеродной, словно кадры из фантастического фильма, не имеющие к нему никакого отношения. Из магазина, утопленного ниже уровня тротуара, он не видел неба — только ноги прохожих да нижние ветки деревьев. И это было к лучшему: небо сегодня, как ему казалось, было слишком тревожного, пронзительного, неестественно голубого цвета, какой бывает перед сильной грозой.

— Вот, готово, — произнесла женщина, и её голос вывел его из задумчивости, мягко, но настойчиво вернув в реальность.

Она протягивала ему букет, и он был именно таким, как она и обещала, и даже лучше. Букет был небрежно-элегантным, архитектурным и в то же время живым, дышащим, словно маленькая экосистема, заключённая в обёртку. Белые, туго скрученные в бутоны ранункулюсы соседствовали с высокими, гордыми лиловыми свечками дельфиниума, с воздушным, похожим на застывшую пену облаком гипсофилы и с несколькими веточками какого-то душистого, смолистого растения, похожего на розмарин, но с более мягким, сладковатым ароматом. Обёрнутый в простую крафтовую бумагу — матовую, шершавую на ощупь, с видимыми древесными волокнами — и перевязанный грубой пеньковой бечёвкой, завязанной в нарочито небрежный узел, он был совершенен в своей простоте, в своём принципиальном антигламуре. От него веяло полем, лесом, утренней свежестью — всем тем, чего так не хватало в стерильных городских джунглях.

— Спасибо, — искренне, от всего сердца сказал Серёга, принимая букет двумя руками, как хрупкую драгоценность. — Это именно то, что нужно. Вы настоящий художник.

Он уже полез в задний карман джинсов за своим цифровым кошельком — тонкой, почти невесомой пластиной из матового алюминия, размером чуть меньше кредитной карты, на которой хранились все его финансы, ключи от квартиры и машины, медицинская карта и ещё сотня цифровых идентификаторов, без которых он был бы просто биологическим объектом, а не гражданином, — когда мир вокруг него изменился бесповоротно и навсегда.

Это произошло мгновенно, без всякого предупреждения, без каких-либо предвестий. Сначала погас свет. Он не выключился с характерным щелчком реле, не замерцал, предупреждая о скором отключении. Он именно погас — неестественно, абсолютно резко, как будто кто-то одним гигантским рубильником разом оборвал все провода в городе, во всей стране, на всём континенте. Лампы накаливания под абажурами, ещё секунду назад излучавшие тёплое, живое сияние, превратились в мёртвые стеклянные груши. Магазин погрузился в полумрак — не в полную тьму, дневной свет из витрины всё ещё проникал внутрь, рисуя на полу косые, пыльные прямоугольники, но тьма эта была густой, зловещей, наполненной тенями, которых мгновение назад не существовало. В тот же самый, почти синхронный момент в ушах у Серёги что-то тонко, пронзительно, противно запищало — звук, похожий на сигнал проверки слуха, только гораздо более высокий и неприятный, — и он с ужасающей, парализующей определённойостью понял, что его нейроинтерфейс отключился. Полностью, целиком, до последнего транзистора. Исчезло привычное, всегдашнее, неосознаваемое периферийное свечение, обрамлявшее его поле зрения с самого момента пробуждения; исчезли все интерфейсы — часы, календарь, прогноз погоды, маркеры социальных связей, подсвечивавшие людей, с которыми он контактировал; исчезли все уведомления, вся тонкая цифровая надстройка над реальностью, которую он воспринимал как должное, как часть своего естественного сенсорного опыта. В голове образовалась оглушительная, звенящая, космическая пустота, вакуум, словно ему разом, без наркоза и предупреждения, ампутировали шестое, седьмое, восьмое чувства — всё то, что он считал собой, но что на самом деле было лишь сложной программной надстройкой над его биологическим «я». Он остался один — внезапно, шокирующе, отвратительно один, — просто человек, биологический вид *Homo sapiens*, модель без апгрейда, с обычными, близорукими на -1,5 глазами, с обычными, слегка заложенными из-за аллергии ушами и с букетом цветов в руке, дрожащей от непонимания и нарастающего страха.

— Что за... — начала было женщина, но не закончила фразу, и слова её повисли в воздухе, словно обрубленные.

Сквозь стекло витрины, уже пошедшее микротрещинами, донёсся низкий, утробный, инфразвуковой гул, который, казалось, шёл не снаружи, не с поверхности, а откуда-то из-под земли, из самого её раскалённого ядра. Это был не звук проезжающего тяжёлого грузовика, не шум поезда метрополитена, проходящего по тоннелю глубокого заложения, не рокот строительной техники, к которому жители больших городов давно выработали иммунитет. Это было что-то иное — тектоническое, первобытное, доселе спавшее и вдруг пробудившееся, от чего завибрировали кости скелета, завибрировала челюсть, задрожали, зазвенели, заныли пломбы в зубах. Стёкла в старых, разошедшихся деревянных рамах задребезжали мелкой, противной, зубодробительной дробью. С притолоки сорвался и с тихим шорохом спланировал вниз пожелтевший лист плюща. Серёга инстинктивно обернулся к окну, и это движение далось ему с трудом, словно воздух внезапно приобрёл плотность воды. Люди на улице тоже остановились — все одновременно, словно подчиняясь единой команде, — и поднимали головы к небу, прикрывая глаза от солнца ладонями. Их лица, ещё секунду назад беззаботные, расслабленные, отмеченные печатью субботнего благодушия, вытягивались в гримасах недоумения, которое стремительно, как цепная реакция, сменялось страхом — сначала просто испугом, потом ужасом, а потом и вовсе животной, безотчётной паникой. Какой-то мужчина в деловом костюме, выронив портфель, схватился за голову; девушка в сарафане присела, закрыв лицо руками; старушка с тележкой застыла, открыв рот в беззвучном крике. Вся сцена разворачивалась в гробовой, неестественной тишине, потому что звук ещё не долетел — свет всегда приходит первым.

А потом пришла вспышка.

Она пришла со стороны горизонта, оттуда, где в утренней дымке ещё недавно, всего двадцать минут назад, сияли стеклянные, зеркальные, устремлённые в зенит башни Москва-Сити, — ослепительная, неестественно яркая, спектрально чистая бело-голубая вспышка, на долю секунды превратившая день в негатив, в рентгеновский снимок реальности. Свет был такой чудовищной, запредельной силы, что все предметы на мгновение утратили цвет, стали чёрно-белыми, лишились теней. Серёга инстинктивно, чисто рефлекторно, зажмурился и прикрыл глаза согнутой в локте рукой, уткнувшись лицом в стиб. Букет, ещё секунду назад бывший его главной драгоценностью, выпал из ослабевших пальцев и упал на пол, глухо ударившись о плитку и рассыпавшись веером: белые ранункулы разлетелись в стороны, дельфиниум переломился пополам, гипсофила покатилась под стеллаж. Сквозь плотно сжатые веки, сквозь руку, сквозь, казалось, саму костную ткань черепа он всё равно видел этот свет — всепроникающий, безжалостный, абсолютный, словно рентгеновский луч, просвечивающий плоть до костей, до самого костного мозга, выжигающий на сетчатке своё негативное изображение. Женщина за прилавком пронзительно вскрикнула — высоко, тонко, истошно, — и звук её голоса потонул в нарастающем гуле. Где-то на улице первой взвыла автомобильная сигнализация — низко, надрывно, басовито, — и этот вой тут же подхватили десятки, сотни других, сливаясь в единый, апокалиптический хор машин, обезумевших от удара электромагнитного импульса. Через секунду, показавшуюся вечностью, свет схлынул, схлопнулся, ушёл, оставив после себя лишь цветные, пульсирующие, плавающие перед глазами пятна — пурпурные, зелёные, оранжевые, — которые плясали, кружились, не желали исчезать, словно выжженные на сетчатке фантомы.

Серёга, всё ещё слепой, дезориентированный, потерянный в пространстве, слышал звук. Не гул, не грохот даже — грохот. Чудовищный, раскатистый, многократно усиленный отражениями от стен домов грохот, от которого, казалось, сдвинулась с места сама земная ось, дрогнули тектонические плиты, пошли трещинами горные породы. Он был похож на раскат грома во время страшной грозы, только усиленный в тысячу, в миллион раз, пропущенный через гигантский усилитель, — но не было в нём ничего от небесной, природной стихии. В нём слышался скрежет разрываемого на молекулы бетона, свист испаряющегося стекла, треск ломающихся, как спички, стальных балок. Это был рукотворный гром — венец человеческой инженерной мысли, направленный на уничтожение самого человечества. Ударная волна, распространявшаяся со сверхзвуковой скоростью, сминая и корежа всё на своём пути, докатилась до магазина через несколько бесконечно долгих секунд — сначала лопнуло и обрушилось дождём осколков витринное стекло, затем дрогнули, поехали, закрипели стены, с потолка дождём посыпалась штукатурка, известка, какая-то труха. Серёгу с невидимой, но чудовищной силой толкнуло в грудь, выбив из лёгких воздух, и он, запнувшись о порожек, тяжело, мешком рухнул на пол, больно ударившись копчиком о плитку и опершись спиной о холодную, вибрирующую стену. В ушах стоял непрекращающийся, пронзительный, сверлящий звон, похожий на сигнал тревоги, ввинчивающийся прямо в мозг. Он тряс головой, пытаясь прийти в себя, пытаясь сбросить это наваждение, эту вселенскую оглушённость. Паника — животная, липкая, горячая, тёмная — поднималась откуда-то из солнечного сплетения, из самого нутра, волной захлёстывая горло, мешая дышать, сковывая мышцы ледяным параличом. Мозг, верный слуга, привыкший к порядку и логике, отчаянно, на пределе вычислительных мощностей пытался обработать поступающую информацию, рассортировать её по полочкам, найти знакомые паттерны, подобрать рациональное объяснение. Землетрясение? Взрыв газа на магистральном трубопроводе? Падение крупного метеорита? Теракт с применением «грязной бомбы»? Слова, старые, зачитанные до дыр слова из новостных лент и экстренных выпусков, всплывали одно за другим и лопались, как мыльные пузыри, потому что ни одно из них не подходило, ни одно

не могло вместить в себя весь этот запредельный, нечеловеческий масштаб произошедшего. Масштаб был не городским, не региональным — он был планетарным.

С трудом, цепляясь дрожащими, непослушными пальцами за шершавую, осыпающуюся стену, он поднялся на ватных, подкашивающихся, чужих ногах. Всё тело болело, словно его пропустили через гигантскую мясорубку; во рту стоял металлический, медный привкус крови — кажется, он прикусил губу. Хозяйка магазина стояла, вжавшись в самый дальний угол, за деревянным прилавком, ставшим теперь её единственным укрытием. Она беззвучно, как рыба, выброшенная на берег, шевелила губами — то ли молилась, то ли проклинала, то ли просто пыталась осознать неосознаваемое. Её глаза, ещё десять минут назад такие яркие, живые, васильковые, были теперь полны первобытного, вселенского ужаса — расширенные зрачки, остекленевший взгляд, устремлённый куда-то внутрь себя. Серёга, перешагнув через рассыпавшийся букет, хрустнув подошвой по стеклу, сделал неверный, заплетающийся шаг к выходу, потом другой. Он должен был увидеть. Должен был выйти наружу, поднять глаза к небу и понять, осознать, вместить в себя весь кошмар происходящего, даже если это понимание убьёт его на месте.

На улице творился крошечный, ветхозаветный, абсолютный хаос. Люди — потерянные, обезумевшие, превратившиеся в единую биомассу — бежали в разные стороны, сталкиваясь, сбивая друг друга с ног, падая и будучи затапываемыми насмерть. Никто никому не помогал подняться; базовые социальные инстинкты, на которых держалась цивилизация, были сметены ураганом животного страха за свою жизнь. Кто-то истошно, надсадно кричал, срывая голосовые связки; кто-то выл, раскачиваясь из стороны в сторону; кто-то плакал, сидя прямо на асфальте и обхватив голову руками; кто-то — и таких было пугающе много — просто стоял, парализованный ужасом, запрокинув голову и глядя в небо остекленевшим, невидящим взором. И Серёга, пересиливая себя, преодолевая животный инстинкт, приказывающий ему бежать, прятаться, зарываться в землю, поднял глаза и посмотрел.

Над горизонтом, в той стороне, где ещё двадцать минут назад — всего двадцать минут, вечность назад — сияли и переливались на солнце стеклянные, устремлённые ввысь башни Москва-Сити, гордость столицы, символ её амбиций и мощи, поднимался гигантский, клубящийся, бурлящий ядерный гриб. Он был чёрным, маслянисто-чёрным, с каким-то отвратительным, глянцевым блеском, и его чрево подсвечивалось изнутри зловещим, пульсирующим, оранжево-багровым пламенем, словно там, внутри, разверзся филиал преисподней. Его шляпка, похожая на исполинскую цветную капусту или на мозг какого-то космического чудовища, расплзалась, набухла, расширялась во все стороны, заволакивая небо, словно чернильное пятно, пролитое на голубую промокашку, словно нефтяное пятно, растекающееся по поверхности океана. Она поглощала солнечный свет, отбрасывая на город зловещую, сумеречную тень. Ножка гриба — столб из дыма, огня, пыли, обломков зданий и испарившихся человеческих тел — уходила вертикально вниз, в самое сердце города, туда, где сейчас, на месте сверкающих небоскрёбов, деловых центров, ресторанов с панорамным видом и офисов транснациональных корпораций, было лишь ревущее, бушующее море огня, расплавленного асфальта и радиоактивного пепла. Это был ядерный гриб — та самая картинка из старых, пыльных учебников гражданской обороны, из древних, зернистых, наивных в своей прямолинейности фильмов ужасов двадцатого века, которые они когда-то смотрели с друзьями в университетском общежитии ради смеха, ради того, чтобы пощекотать нервы перед сном. Картинка, которая должна была навсегда остаться достоянием истории, стала реальностью — осязаемой, видимой, обжигающей. Зародившись где-то в районе Делового центра, в эпицентре с темпера-

турой в миллионы градусов, волна жара и радиации, невидимая и оттого ещё более страшная, уже катилась по городу, сжигая и заражая всё на своём пути.

В небе, разрывая рёвом двигателей воздух и перекрывая крики людей, пронеслись самолёты. Это были не гражданские аэротакси, не кургузые беспилотники служб доставки еды, не прогулочные вертолёты богатей, спешащих эвакуироваться. Тяжёлые, угловатые, хищные, стремительные силуэты с красными звёздами на плоскостях — фронтовые бомбардировщики или, может быть, истребители-перехватчики, Серёга не разбирался, — шли на сверхзвуке, на форсаже, разрывая атмосферу на клочки и оставляя за собой длинные, пушистые инверсионные следы, расчертившие небо белыми полосами, словно грифельная доска. На его глазах от одного из них, от ведущего, отделилась крошечная, едва заметная точка, сверкнула на солнце, превратилась в ракету с конденсационным шлейфом и с невероятной, непостижимой скоростью ушла по пологой баллистической траектории куда-то за горизонт, в сторону запада — туда, где лежала Европа. Осознание произошедшего ударило его, словно физический импульс, словно электрошокером, пробив паралич страха и заставив сердце замереть на мгновение, а потом забиться где-то в горле.

Это не учения. Не может быть учений с настоящим ядерным взрывом в центре Москвы. Это не локальный теракт, не взрыв «грязной бомбы», не падение астероида. Это Мировая война — Третья мировая, та самая, о которой столько предупреждали политики и футурологи, но в которую никто по-настоящему не верил, потому что верить в такое означало бы признать возможность собственного конца. Прямо над ним, над Малой Бронной, над Патриаршими прудами, над этим старым, уютным, обжитым миром, которому оставалось жить считанные минуты, разверзся ад.

Глава 3. Бег через город

Первые секунды после осознания были самыми страшными — паралич воли, когда тело отказывалось подчиняться, а мозг, захлебнувшийся в потоке противоречивых сигналов, судорожно искал точку опоры. Это было похоже на погружение в ледяную воду: мир вокруг не просто замедлился, а рассыпался на дискретные, бессвязные фрагменты. Серёга чувствовал себя не человеком, а глючным процессором, в который одновременно подали питание и залили жидкий азот. Он застыл, пытаясь перезагрузить собственное сознание, которое отказывалось принимать новую реальность. Реальность, в которой не было Сети. Реальность, где горизонт заволокло черным, пульсирующим грибом.

Серёга стоял на тротуаре Малой Бронной, сжимая в руке бесполезный теперь цифровой кошелек. Его пальцы, еще хранившие тепло от прикосновения к прохладному стеклу двери «Ботаники», судорожно терли пластиковый корпус. Жест был машинальным, бессмысленным, словно он пытался физически нащупать на гладкой поверхности интерфейс, который исчез навсегда. Подушечки пальцев скользили по мертвому материалу, и от этой тактильной пустоты паника становилась только острее. Букет остался лежать на полу цветочного салона, в луже воды, вытекшей из опрокинутого ведра. Мысль о цветах — белых лизиантусах, которые так любила Аня — мелькнула и исчезла, смытая волной животного, липкого ужаса. Он даже увидел их мысленным взором: нежные лепестки, похожие на вощеную бумагу, теперь втоптаные в грязный кафель чьим-то тяжелым ботинком. Символ его спокойной, налаженной жизни, растоптанный в первую же секунду катастрофы. Всё его существо, каждая клетка, каждый нейрон, каждый синапс, оглушенный отсутствием привычного цифрового фона, кричали одно: бежать.

Но куда? Где спасение в мире, который только что перестал существовать в привычном виде? В мире, который за одну наносекунду откатился из сингулярности обратно в каменный век? Серёга чувствовал себя аргонавтом, который привык ориентироваться по звездам, но внезапно все созвездия погасли, и небосвод превратился в черный, бездонный колодец. Он мог спроектировать нейросеть, способную генерировать изображения несуществующих галактик, но сейчас он не знал, куда поставить ногу, чтобы сделать следующий шаг. Сознание, привыкшее оперировать терабайтами информации, оказалось запертым в тесной, душной камере собственного черепа, наедине с тишиной. И тишина эта была оглушительнее любого взрыва.

Ответ пришёл мгновенно, пробившись сквозь пелену шока, словно луч маяка в штормовом море. Не логический вывод, не результат анализа — чистая, первобытная эмоция, более властная, чем инстинкт самосохранения. Аня. Её имя вспыхнуло в сознании, вытесняя всё остальное. Оно было подобно сигналу «SOS», который пробивается сквозь любые помехи. Она была там, в «Зерне», на их любимой террасе с видом на пруд. Серёга отчетливо, до галлюцинаторной яркости, представил эту сцену: она сидит за их столиком в углу, поправляя прядь светлых волос, в своем легком салатном платье, и делает первый глоток лавандового рафа, ожидая его с той самой полуулыбкой, в которой смешивались легкое нетерпение и абсолютная, безграничная нежность. Ждала с той самой улыбкой, ради которой он был готов на всё. Вся его прежняя жизнь — код, проекты, стерильный комфорт квартиры с климат-контролем, акции техногигантов, престиж, даже его собственное «я», которое он так старательно конструировал годами, — всё это в один миг превратилось в шелуху, в ничего не значащий цифровой мусор, аннигилировало, как антивещество при контакте с реальной материей. Единственной реальностью, единственной точкой отсчёта в рушащемся, сходящем с ума мире стала она. Его

личный ковчег. Он должен добраться до неё. Чего бы это ни стоило. Эта мысль была не просто решением — это была молитва, заклинание, которое должно было отогнать хаос.

Он сорвался с места.

Бежать по знакомым улочкам Патриарших, которые он исходил вдоль и поперёк за годы жизни в этом районе, было всё равно что бежать по декорациям фильма-катастрофы, где бюджет выделили только на первый акт. Мир вокруг превратился в хаотическое броуновское движение обезумевших частиц. Воздух, обычно наполненный шумом моторов и обрывками музыки из летних веранд, теперь был густым и вязким, пропитанным криками и пылью. Люди, ещё минуту назад бывшие благополучными жителями самого комфортного города планеты, обладателями премиальных подписок и безлимитного доступа к благам цивилизации, превратились в испуганное, потерявшее ориентиры стадо. Социальные маски были сорваны, обнажив первобытный ужас. Мужчина в дорогом костюме, с бледным, как полотно, лицом и съехавшим набор галстуком, бежал прямо на него, выставив перед собой руки, словно защищаясь от невидимой угрозы или пытаясь вплавь преодолеть этот внезапный воздушный хаос. Он врезался в Серёгу плечом, даже не заметив этого, буркнув что-то нечленораздельное, и понёсся дальше, в никуда, в сторону горящего горизонта. Молодая мать, бросив эргономичную коляску премиум-класса прямо посреди тротуара, прижимала к груди ребенка и кричала что-то, обращаясь к небу. Её крик был не словами, а сплошным, животным воем, тонушим в нарастающей какофонии. Где-то рядом, перекрывая человеческие вопли, взревела сигнализация дорогого внедорожника, потом ещё одна, и ещё — сотни машин взвыли одновременно, создавая жуткую, индустриальную симфонию конца света. Этот звук, наложенный на подземный гул далеких взрывов, создавал ощущение, что сам город, этот живой металлобетонный организм, умирает в страшных муках, и его предсмертный хрип разносится эхом по опустевшим переулкам.

Серёга бежал, лавируя между телами. Кроссовки скользили по выщербленному тротуару, по осколкам витринного стекла, хрустевшим, словно лед на весенней луже. Он не мог слышать свои мысли, но одна пульсировала в такт ударам сердца, отдаваясь гулом в висках: «Зерно», Патриаршие, пруды. Он должен быть там. Парадоксально, но отсутствие нейроинтерфейса больше не пугало его — оно давало странную, дикую ясность. Раньше его сознание было похоже на комнату с сотней открытых окон, в каждое из которых дул ветер чужих сообщений, уведомлений, новостных заголовков. Теперь все окна разом захлопнулись. Никаких уведомлений о транзакциях, никаких всплывающих окон с прогнозом погоды, никакой навязчивой дополненной реальности, раскрашивающей серые фасады в кислотные тона рекламных баннеров. Только он, его мышцы, его дыхание и его цель. Чистый, незамутненный поток сознания, сфокусированный в одной-единственной точке. Это было почти благословением.

Выбежав на открытое пространство у прудов, где обычно гуляли мамы с детьми и художники продавали свои картины, он на мгновение замер, уперев руки в колени. Лёгкие горели, во рту стоял металлический привкус. Кофейня «Зерно», его тихая гавань, его островок стабильности с предсказуемо вкусным кофе и уютными пледами, представляла собой картину разгрома. Стеклопакеты были выбиты, и осколки, похожие на зубы разбитой челюсти, торчали из рамы. Столики на летней террасе опрокинуты, легкие металлические стулья смяты в причудливые абстрактные фигуры, словно их жевал невидимый великан. Белые льняные скатерти, которые так старательно накрахмаливала администратор, были залиты кофе и чем-то красным, густым. Несколько человек лежали на земле в неестественных позах, не подавая признаков жизни. Их конечности были вывернуты под такими углами, которые невозможны для живого человека. Сердце пропустило удар, а затем провалилось куда-то в желудок. Он бро-

силса вперёд, судорожно вглядываясь в лица, в силуэты, в детали одежды. Салатовый цвет. Ищи салатовый цвет. Взгляд цеплялся за обрывки ткани, за пятна на асфальте, но Ани среди лежащих не было. Ни на террасе, ни внутри, где он, поскользнувшись на осколках и едва не упав лицом в лужу крови, пробежал, хрипло зовя её по имени. Пусто. Только испуганная бариста, та самая рыжеволосая девушка с татуировкой в виде веточки лаванды на запястье, что всегда помнила их заказ и рисовала на пенке сердечки, сидела на полу за дубовой стойкой, закрыв голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону. Он схватил её за плечо, заставив поднять глаза — два бездонных колодца шока.

— Девушка! Салатовое платье, светлые волосы! Была здесь? Где она?! — голос звучал резко, требовательно, как удар хлыста. Ему нужно было знать немедленно.

Бариста только мотнула головой, из её широко распахнутых глаз беззвучно текли слезы, смывая тушь и оставляя на щеках черные дорожки. То ли она не знала, то ли не могла говорить — шок сковал голосовые связки. Серёга выругался сквозь зубы, чувствуя, как в горле закипает горечь бессилия. Паника, которую он до этого момента сдерживал волевым усилием, спрессовывая в холодный шар где-то в солнечном сплетении, снова начала подниматься изнутри, угрожая прорвать оболочку самоконтроля. Ани здесь не было. Значит, она ушла. Или побежала домой. Или... Он не дал себе закончить эту мысль, грубо обрубил её, как зараженный кабель. Её дом находился в другом районе, на другом берегу Москва-реки. Чтобы добраться туда, нужно было пересечь Крымский мост. И это был единственный путь, тонкая артерия, соединяющая его с надеждой. Если город закроют, если мост перекроют военные или он будет разрушен прямым попаданием, он окажется отрезанным от неё. Возможно, навсегда. Эта мысль была страшнее любого гриба в небе.

Он выскочил из кофейни на воздух, который теперь отдавал гарью. Нужен был транспорт. Электромобили, ещё несколько минут назад бесшумно скользившие по улицам, словно стальные дельфины, теперь замерли мёртвой пробкой, блокируя проезжую часть. Их центральные процессоры, зависевшие от облачных сервисов и единой транспортной сети, умерли вместе с Сетью, превратив суперсовременные машины в груды бесполезного железа и пластика. Двери некоторых были распахнуты настежь, владельцы бросили их прямо посреди дороги, пытаясь спастись бегством, оставив включенными аварийные сигналы, которые теперь не работали. Идеально отлаженный механизм города дал фатальный сбой. «Жужа», его маленький маневренный сити-кар с панорамной крышей, стояла в двух кварталах отсюда, но даже если бы он добрался до неё, проехать через этот затор из сотен машин, сцепившихся бамперами, было невозможно физически. Оставался только один способ. Самый древний, самый надежный, дарованный эволюцией. Свои ноги.

И он побежал.

Маршрут он знал наизусть, мог бы прочертить его с закрытыми глазами. Вниз по Бульварному кольцу, мимо облепленных строительными лесами старых особняков, которые реставрировали к очередному городскому празднику, потом через Остоженку к набережной, и там — мост, его спасительная нить. Обычно этот путь занимал минут двадцать на машине или полчаса на такси в час пик, время, которое он тратил на прослушивание новостей или просмотр ленты соцсетей через нейроинтерфейс. Но сейчас пространство деформировалось. Оно превратилось в полосу препятствий, в адский квест на выживание, где каждый метр давался с боем. Серёга бежал, перепрыгивая через брошенные вещи — чей-то чемодан, выпотрошенную дамскую сумочку, рассыпанные по асфальту апельсины из перевернутого лотка. Он оги-

бал перевёрнутые урны и неподвижные тела людей, которые, возможно, были ещё живы, а возможно, уже нет. Проверять не было времени. Эта мысль царапала совесть, но инстинкт, более древний и жестокий, чем мораль, гнал его вперед. Каждая секунда промедления могла стать решающей, могла стоить жизни самому дорогому человеку. В висках стучало, лёгкие, непривычные к таким диким, анаэробным нагрузкам, горели огнём, но он не сбавлял темпа, наоборот, старался бежать ещё быстрее, размахивая порезанной рукой в такт движению.

На перекрёстке у Пречистенских ворот он увидел первые настоящие разрушения — не просто панику, а физическое ранение городской ткани. Взрывной волной, прошедшей через центр ударной волной, выбило стёкла в историческом здании, и старинный фасад, украшенный лепниной в виде ангелов и цветочных гирлянд, зиял чёрными провалами окон, словно пустыми глазницами черепа. Груда кирпича и обломков, смешанных с фрагментами деревянных балок, перекрыла половину проезжей части. Розовая кирпичная пыль всё ещё висела в воздухе, оседая на листьях лип серебристым налетом и забиваясь в лёгкие. Рейсовый автобус, накренившись под неестественным углом, врезался в фонарный столб, смяв его, как бумажный стаканчик. Люди, выбравшиеся из него через выбитые окна, сидели и лежали прямо на асфальте. Кто-то громко, надрывно стонал, прижимая руку к окровавленной голове, пальцы были красными, липкими. Запах. Появился новый, резкий, тошнотворный запах гари, горячего пластика и расплавленной резины, смешанный с чем-то сладковатым, тошнотворно-приторным, что Серёга отказывался идентифицировать. Он понимал, что это запах паленой человеческой плоти, но гнал от себя это знание, блокируя его на подступах к сознанию. Он заставил себя не смотреть, не фокусировать взгляд на деталях. Если остановиться, если дать волю эмпатии, этой проклятой человеческой способности примерять чужую боль на себя, он не сможет бежать дальше. Он превратится в одного из них — парализованного ужасом свидетеля собственного конца, воющего на луну среди руин.

В небе, раскрашенном в грязно-желтые и серые тона, снова заревели двигатели. Рёв нарастал, переходя в низкочастотный, вибрирующий гул, от которого дрожали перепонки. Он инстинктивно пригнулся, втянув голову в плечи, словно ожидая удара. Звено истребителей, теперь уже отчётливо видных — с хищными, стремительными обводами, скошенными назад крыльями, — пронеслось над самыми крышами, оставляя за собой белые инверсионные следы на грязном небе. Они удалялись в сторону юго-запада. От их грохота завибрировала земля под ногами, зазвенели оставшиеся в рамах стёкла, выбивая дробь, похожую на предсмертную агонию. Там, за горизонтом, в той стороне, где предположительно находились спальные районы, снова что-то сверкнуло, словно гигантская фотовспышка на мгновение осветила небо изнутри, и через несколько секунд донёсся далёкий, утробный взрыв. Бои шли где-то за кольцевой. Или уже внутри неё. Он не знал и не хотел знать. Его война была локальной, его линией фронта была дорога от Малой Бронной до улицы Вавилова. Он должен был пересечь реку, и эта задача заслонила собой геополитику, войну миров и конец цивилизации.

Добежав до набережной, он остановился на секунду, чтобы перевести дух, уперев руки в колени. Сердце колотилось где-то в горле, лёгкие жгло, словно он вдыхал не воздух, а раскаленный песок, перед глазами плясали чёрные искры. Отсюда открывался вид на Крымский мост — изящную подвесную конструкцию, которая сейчас была забита брошенными машинами так плотно, что напоминала застывшую реку из металла и стекла. Но он был цел. Пока цел. Это главное. Движения по мосту не было никакого — люди бросали свои дорогие автомобили, не глуша двигатели, не закрывая дверей, и бежали в обе стороны, гонимые животным инстинктом, врезаясь друг в друга. Никто никому не помогал. Это была война всех против всех, и каждый спасал себя. Серёга выпрямился и снова побежал, лавируя между стальными

корпусами, касаясь горячих капотов рукой. Его шаги гулко отдавались по бетонному покрытию, эхо дробилось о металлические балки. Внизу, под мостом, тёмной, маслянистой лентой катила свои воды Москва-река, равнодушная и величавая в своей неспешности, равнодушная к творящемуся на берегах безумию. Она текла здесь сотни лет до этого и будет течь сотни лет после, думал он. Посередине моста ему пришлось перелезть через разделительное ограждение, сорвав ноготь и разорвав брюки о кусок арматуры, чтобы обойти груды искореженного металла — столкнулись два автомобиля, образовав пробку внутри пробки.

И тут он увидел это. На встречной стороне моста, прямо на пешеходной дорожке, на холодном, продуваемом всеми ветрами асфальте, лежала девушка в салатовом платье. Её светлые волосы, спутанные и влажные, разметались по серому покрытию, словно невесомый нимб. Салатовый цвет, цвет весенней травы, цвет жизни, был перечеркнут алым. Кровь уже начала запекаться по краям, приобретая бурый оттенок. Сердце Серёги рухнуло в какую-то ледяную бездну, остановилось на бесконечно долгое мгновение, а затем забилось с утроенной силой, грозя проломить рёбра изнутри. Он закричал что-то нечленораздельное, даже не крик, а вой раненого зверя, но голос сорвался в хриплый шёпот. Ноги, ставшие ватными, сами понесли его вперёд, не разбирая дороги, спотыкаясь о бордюры и обломки. Каждая секунда этого приближения была вечностью, наполненной ужасом. Он упал рядом с ней на колени, чувствуя, как холод бетона прожигает ткань брюк, забираясь ледяными иглами в суставы. Руки дрожали крупной дрожью, когда он протянул их, чтобы убрать волосы с лица. Движение было почти нежным, трепетным, полным молитвы. Лицо было чужим. Это была не она. Не Аня. Незнакомое лицо, совсем юное, почти детское, застывшее в маске последнего, смертельного ужаса и боли, смотрело в небо широко распахнутыми, помутневшими голубыми глазами.

Облегчение, которое он испытал, было сродни предательству, подлому удару ножом в спину собственной совести. Эта девушка была мертва. Она лежала здесь одна, в этом аду, и никто не остановился, чтобы просто закрыть ей глаза. Кому-то она была Аней. Чьей-то любимой, чьим-то центром вселенной. Кто-то, возможно, сейчас так же бежит к ней, не зная, что она уже здесь, на грязном мосту, уходит в вечность. А он, Серёга, радовался, что это не его Аня. Он отшатнулся, чувствуя, как к горлу подступает тошнота, кислая и жгучая. Нельзя останавливаться. Нельзя думать об этом. Эмпатия сейчас — непозволительная роскошь. Только бежать. Только цель. Он оставил её там, на мосту, эту незнакомую Аню, уходящую в вечность под гул далёких бомбёжек, и побежал дальше, перепрыгивая через обломки. Её образ еще долго будет стоять у него перед глазами, выжженный каленым железом в сетчатке.

Мост закончился, он выбежал на другой берег. Район здесь был более современный, застроенный жилыми небоскребами из стекла и бетона, но и он не избежал разрушений. Где-то горел жилой комплекс, выбрасывая в небо густые, жирные клубы чёрного дыма, похожие на гигантскую нефтяную кляксу. Пламя жадно вылизывало верхние этажи, и было видно, как лопаются и осыпаются вниз стекла панорамных окон. Системы пожаротушения, видимо, тоже вышли из строя вместе с центральным сервером. Повсюду валялись обломки дронов-доставщиков — их было десятки, рухнувших одновременно, когда отключилась система навигации и они превратились из полезных слуг в груды бесполезного пластика, усеявшие тротуары. Серёга бежал по лабиринту дворов, сокращая путь, интуитивно прокладывая маршрут через детские площадки и скверы. Он помнил адрес наизусть, он был впечатан в подкорку: улица Вавилова, жилой комплекс «Зелёная Гавань». Тот самый дом с вертикальными садами на фасаде и панорамными окнами, где он бывал десятки раз и где на вахте его уже знали в лицо и пропускали без звонка. Ещё три квартала. Ещё два. Ещё один. Вот и арка во двор, украшенная коваными фонарями. Он вбежал под её прохладные своды, и в этот момент новая серия взрывов прока-

тилась где-то совсем близко, слева, заставив вздрогнуть саму землю. Стена дома слева, монолитная, казавшаяся незыблемой, дрогнула, по ней побежали быстрые, как молнии, трещины, и с верхнего этажа, срываясь с креплений, посыпались огромные стеклянные панели. Настоящий дождь из осколков обрушился вниз, звеня и разбиваясь об асфальт с высоким, леденящим душу звуком. Серёга инстинктивно прижался к стене арки, вжимаясь в неё всем телом и закрывая голову руками. Он чувствовал себя загнанным зверем. Острый осколок, длинный и изогнутый, как ятаган, полоснул его по левому предплечью, разрезав тонкую ткань рубашки и плоть. Боль пришла не сразу — сначала был просто тупой удар, а затем жгучая, ослепляющая волна пронзила руку от локтя до запястья. Кровь запульсировала, стекая к запястью горячими, липкими струйками. Он стиснул зубы, срывая с себя остаток рукава здоровой рукой и зубами, и кое-как перетягивая рану импровизированным жгутом. Двигаться дальше. Сквозь боль. Он почти на месте. Стиснув зубы до скрежета, он побежал через залитый осколками двор.

Двор «Зелёной Гавани», некогда образцово-показательный зеленый оазис с ландшафтным дизайном, был засыпан битым стеклом и обломками фасада. Трава на газонах была покрыта слоем серой пыли. Он взглянул наверх. Подъезд Ани, казалось, чудом остался нетронутым. Вертикальные сады на её секции здания ещё зеленели. Собрав последние силы, он вбежал внутрь, толкнув тяжелую стеклянную дверь. В холле было темно и пыльно, пахло штукатуркой. Лифты, разумеется, не работали, их зеркальные двери были наглухо закрыты. Лестница. Только лестница. Её квартира была на десятом этаже. Он начал подъём, перепрыгивая через две, а где и через три ступени, хватаясь за перила здоровой рукой. На пятом этаже перед ним предстала картина: дверь одной из квартир была сорвана взрывной волной и валялась на площадке, словно картонный муляж, а из проёма тянуло дымом и запахом горелой проводки. На восьмом он споткнулся о тело мужчины в домашнем халате, лежащего ничком на лестничной клетке, и едва не покатился вниз, но удержался за перила. Но он не останавливался. Только десятый этаж имел значение. Только цифра «104» на двери.

Вот она, её дверь, обитая светлым шпоном, с аккуратным номером 104. На мгновение его охватил панический страх, что сейчас он увидит то же, что и на восьмом. Он подбежал и замолотил кулаком по дереву, оставляя кровавые отпечатки. Глухо. Тишина за дверью пугала больше, чем взрывы снаружи. Она звенела в ушах, как похоронный колокол.

— Аня! Аня, открой! Это я, Серёга! — кричал он, срывая голос до хрипоты, почти плача. — Аня! Пожалуйста!

Тишина была ответом. Бесконечно долгая, издевательски спокойная тишина. Он прислонился лбом к холодной, невозмутимой двери, чувствуя, как силы окончательно покидают его, как надежда утекает, словно кровь из раны. Неужели опоздал? Неужели всё было зря, и он потерял её в этом аду? И тут он услышал звук — тихие, крадущиеся, почти невесомые шаги за дверью, шлепанье босых ног по ламинату. Щёлкнул замок, этот божественный, металлический звук. Дверь медленно, со скрипом приоткрылась, и в образовавшейся щели он увидел её. Бледное, заплаканное лицо, мокрые дорожки на щеках, но живые, бездонно-карие, полные неверия и зарождающейся надежды глаза. Она дрожала, кутаясь в плед.

— Серёжа... — прошептала она, не веря, протягивая к нему тонкую, дрожащую руку. — Ты пришёл. Ты пришёл за мной. Сквозь всё это...

И он, переступив порог, рухнул в её объятия, чувствуя её тепло, запах её волос, вкус соли на её губах, чувствуя, как последние силы покидают его тело, а мир, рушащийся и горящий,

сжимается до размеров этой маленькой, темной прихожей, где они стояли, прижавшись друг к другу, сплетясь руками и дыханием, как единое целое, посреди разверзающегося за окнами ада, который наконец-то перестал иметь значение.

Глава 4. Пустая квартира

Тяжёлая, обитая светлым шпоном дверь, та самая, которую они выбирали вместе три года назад в мебельном салоне на окраине, помнится, ещё спорили до хрипоты — она хотела матовый орех, он настаивал на практичности шпона, и в итоге сошлись на компромиссном варианте, который сейчас, в тусклом свете аварийной лампы на лестничной клетке, казался немым укором его неспособности уступить в малом, — эта дверь поддалась далеко не сразу. Она не была заперта, массивный замок, который Серёга лично устанавливал, прикручивая каждую пластину с особой тщательностью, оставался в положении «открыто», но нечто основательное, весомое мешало створке сдвинуться с мёртвой точки. То ли перекосившаяся от недавней взрывной волны, прокатившейся по всему жилому комплексу, дверная коробка, лишённая прежней геометрической безупречности, то ли что-то, упавшее с той, внутренней стороны, что-то, что категорически не желало пропускать его внутрь, словно сам дом, сама квартира, пропитанная страхом и болью, пыталась уберечь его от того зрелища, которое приготовила.

Серёга надавил плечом, ощущая, как напряжение передаётся от мышц к костям, преодолевая резкую, пульсирующую боль в раненом предплечье, которая волнами расходилась от глубокой ссадины, полученной ещё там, на площади, когда осколок витринного стекла расцек кожу, и дверь, протяжно, нехотя, с душераздирающим, каким-то стариковским скрипом, словно жалуясь на невыносимую тяжесть бытия, отворилась ровно настолько, чтобы можно было протиснуться внутрь боком, втянув живот и задержав дыхание. Каждая секунда этого мучительного проникновения растянулась в вечность. Он ожидал увидеть Аню. Не просто ожидал — он жил этим ожиданием последние сорок минут, с того самого момента, как первая ракета прочертила небо над городом. Он представлял себе эту сцену с той отчетливостью, на которую способен только измученный страхом разум: она, услышав его шаги, срывается с места, бежит, спотыкаясь, к двери, её глаза, полные слёз облегчения, её руки, тянущиеся к нему. Он воображал, как заключит её в объятия, как почувствует знакомый, родной запах её волос — смесь кокоса и каких-то полевых трав, — и как весь этот кошмар, вся эта разверзшаяся бездна войны и разрушения в одно мгновение отступит, потеряет свою силу, станет не более чем дурным сном. Но квартира встретила его тишиной. Густой, вязкой, звенящей тишиной, которая давила на барабанные перепонки, которая была наполнена не отсутствием звуков, а их ужасным, необратимым смыслом. Это была тишина склепа, тишина, которая была страшнее любого, самого истошного крика о помощи.

Серёга замер на пороге прихожей, не в силах заставить себя сделать следующий шаг, пытаясь осмыслить открывшуюся картину, собрать разрозненные, кричащие детали в единую, логичную цепочку. Мозг, привыкший к анализу данных, к стройным алгоритмам, отказывался принимать реальность. Первое, что бросилось в глаза, едва он переступил порог — это беспорядок. Но это был не хаос мародёрства, не лихорадочные следы спешных сборов, когда чемоданы набиваются без разбора, а нужные вещи забываются впопыхах. Это был совершенно иной, куда более страшный вид разрушения — почерк насилия. Каждая перевернутая вещь, каждый осколок кричали о борьбе, о злой и целенаправленной воле, вторгшейся в их личное, сакральное пространство. На полу, у самого входа, беспомощно валялась опрокинутая деревянная вешалка, с которой грубо, одним рывком сорвали её лёгкий летний плащ цвета топленого молока — тот самый, что она купила прошлой весной и так радовалась удачной покупке. Рядом, в лужице грязной, уже начавшей подсыхать воды, по которой расплзались грязные разводы на ламинате, умирали несколько пышных стеблей пионовидных роз нежно-розового

оттенка — тех самых, что он подарил ей неделю назад, в прошлую пятницу, без всякого повода, просто потому что шёл мимо цветочного ларька и вспомнил, как она говорила, что эти цветы напоминают ей о бабушкином саде. Тяжёлая хрустальная ваза, в которой они стояли, та, что подарила им на новоселье его мать, была разбита вдребезги, разлетевшись на сотни сверкающих осколков. Эти осколки предательски хрустнули под его лёгкими мокасинами, когда он, пересилив оцепенение, сделал первый, самый трудный шаг вперёд, и этот звук — хруст стекла под ногой — показался ему кошунственным, нарушающим траурную тишину. Его взгляд, движимый какой-то мазохистской потребностью увидеть всё до конца, скользнул дальше, в гостиную, и замер, наткнувшись на свидетельство, которое не оставляло места для сомнений или иллюзий.

На стене, на безупречном, бежевом фоне дорогой итальянской декоративной штукатурки, которую Аня выбирала так придирчиво, перерыв десятки каталогов и измучив прораба бесконечными выкрасами пробников, — на этом самом фоне, который она называла «тёплым кашемиром», алело пятно. Оно было не абстрактным, не случайным брызгом, какие оставляет разбившаяся бутылка вина. Это был отчётливый, страшный в своей узнаваемости отпечаток — след от сильного удара, от грубого соприкосновения живой, нежной плоти с бездушной, твёрдой поверхностью. След от падения тела, которое с силой впечатали в стену. Несколько тёмных, уже начавших подсыхать и буреть по краям капель, отяжелев, сбегали вниз, к аккуратному белому плинтусу, прочерчивая неровные, извилистые дорожки. Кровь. Это слово пульсировало в его голове, отдаваясь набатом. Серёга почувствовал, как желудок сжимается в тугую, ледяную спазм, как внутренности скручивает животный ужас, а к горлу подступает твёрдый, тошнотворный ком, мешающий сделать вдох. Он знал, чья это кровь. Знал с той ужасающей, безжалостной, почти мистической определённой, которая не требует никаких доказательств, никаких анализов ДНК. Эта уверенность шла не от разума, а откуда-то из глубины его существа, из той области, где двое любящих людей становятся одним целым.

Он медленно, словно в вязком, липком сне, когда хочешь бежать, но ноги не слушаются, двинулся вглубь квартиры. Каждый шаг давался с колоссальным, почти физическим трудом, будто воздух вокруг сгустился в плотную, удушливую патоку, оказывая сопротивление каждому движению. Гостиная, обычно наполненная мягким светом от панорамных окон, уютом и её негромким смехом, сейчас выглядела чужой, враждебной декорацией к дурному, безвкусыному спектаклю. Большой диван, обитый серым велюром, был грубо сдвинут со своего законного места на добрых полметра, обнажив скопившуюся под ним пыль. Декоративные подушки, которые она так любовно раскладывала каждое утро, были в беспорядке разбросаны по полу, словно тела павших. Изящный кофейный столик из стекла и кованого металла перевёрнут вверх дном, с его поверхности веером рассыпались её любимые альбомы по искусству — тяжёлые, с глянцевыми страницами, воспевающие импрессионистов и прерафаэлитов. На журнальном столике у окна, чудом уцелевший в этом хаосе, стоял нетронутый, до половины наполненный стакан с водой — она, видимо, налила его, ожидая его возвращения, готовясь к вечернему разговору. Эта маленькая, бытовая деталь — стакан воды — резанула его больше всего. Она была символом прерванной жизни, незаконченного действия. Всё вокруг кричало о внезапной, жестокой борьбе, о короткой, но отчаянной схватке, исход которой был предрешён с самого начала — слишком неравны были силы. Но самое страшное, самая тревожная деталь, от которой холодело в груди, заключалась в другом: не было следов взлома. Ни одной царапины на замке, ни одного разбитого окна. Тот, кто здесь был, вошёл через дверь. Вошёл как гость. И Аня, возможно, открыла ему сама. Знала ли она его? Доверяла ли? Эта мысль была невыносимой, потому что она превращала абстрактного врага в кого-то из круга знакомых, возможно, даже друзей.

На полу, у самого косяка, ведущего в тёмный коридор, где на стенах в рамках висели их совместные фотографии, он увидел это. Её телефон. Тонкая, почти невесомая пластина из гибкого, ультрапрочного стекла, которую она всегда носила с собой, несмотря на наличие у них обоих современных нейроинтерфейсов. Она, смеясь, говорила, что ей нравится тактильное ощущение, нравится держать что-то настоящее, вещественное в руках, нравится сам ритуал набора сообщения, а не беззвучная передача мысли. Теперь этот предмет, хранитель их переписки, их общих планов и глупых селфи, лежал на полу, как надгробный камень. Экран был раздавлен, паутина глубоких, уродливых трещин расходилась от центра, словно по нему с чудовищной силой наступили рифлёным каблуком тяжёлого армейского ботинка. Серёга медленно, словно священную реликвию, поднял его, чувствуя, как предательски дрожат пальцы. Раздавленный телефон — это не просто поломка, не просто акт вандализма. Это символ. Это жестокий, недвусмысленный знак того, что связи больше нет. Что она не могла позвать на помощь, не могла набрать его номер, услышать его голос. Что тот, кто её забрал, позаботился об этом в первую очередь, отрезав любую возможность коммуникации с хирургической точностью. Он инстинктивно сжал осколок в кулаке, и острые, микроскопические края впились в его ладонь, пронзая кожу, но эта внезапная, острая боль была желанной — она возвращала его из пучины шока в реальность, давала спасительный якорь, не давая окончательно провалиться в бездну чёрного, всепоглощающего отчаяния.

Он обыскал квартиру с маниакальной тщательностью, заглядывая в каждый угол, в каждый шкаф, в каждую антресоль, движимый единственной, отчаянной, иррациональной надеждой на чудо. Спальня. Их спальня. Комната, которая была их убежищем, их интимным миром, полным нежности и шёпотов. Постель была смята, покрывало сбито в ногах, но не разобрана для сна. Она не ложилась, ждала его. Огромное, во всю стену, панорамное окно было приоткрыто, и ветер, пахнувший гарью, бетонной пылью и далёкими, невидимыми пожарами, бесцеремонно врывается внутрь, шевелит лёгкую, почти невесомую льняную занавеску, которую они купили в прошлом году в Стокгольме. На полу, у кровати, с той стороны, где обычно спала она, лежала раскрытая книга — потрёпанный томик Ахматовой, который она перечитывала каждую осень, находя в строках поэтессы какое-то созвучное своей душе меланхоличное умиротворение. Страницы были залиты всё той же тёмной, бордовой субстанцией, которая уже начала застывать, склеивая тонкую бумагу в бесформенный комок. Крови было много. Слишком много для того, чтобы надеяться на лёгкую рану. Слишком много для того, чтобы сохранять хоть какую-то надежду, и всё же он цеплялся за неё, как утопающий за соломинку. Ванная комната — стерильно пустая, холодный кафель, её халат, аккуратно висящий на крючке, её косметика, расставленная на полочке у зеркала в идеальном порядке. Кухня — следы поспешного, незаконченного ужина. Две тарелки. Два бокала для вина. На разделочной доске — начатая нарезка сыра, нож, упавший на столешницу. В раковине — одинокая чашка с остатками её любимого травяного чая с ромашкой и мятой. Движимый каким-то безотчётным порывом, он прижал дрожащую ладонь к гладкому керамическому боку. Чашка была ещё тёплой. Тёплой! Она хранила тепло её рук. Это значило, что всё произошло совсем недавно. Максимум час, может быть, полтора назад. Осознание этого факта — что он разминутся с трагедией на какие-то ничтожные минуты — было сродни удару под дых.

И тогда его накрыло. Он рухнул, не чувствуя боли в коленях, на пол, прямо на холодную, бездушную керамическую плитку кухни, обхватив голову руками, сжав виски до белых костяшек пальцев. Отчаяние, которое он сдерживал весь этот безумный, полный смертельных опасностей бег через горящий, разрушающийся, агонизирующий город, наконец прорвало возведённую волей плотину. Из горла вырвался звук — не крик, не плач, не рыдание, а какой-то

низкий, утробный, животный вой, полный такой невыносимой, всепоглощающей потери, что его, казалось, можно было потрогать руками. Он опоздал. Он, преодолевший всё — завалы, пожары, панику толпы, собственную боль и страх, — добравшийся до дома, веривший до последнего в свою миссию спасителя, опоздал всего на несколько минут. На проклятые, утекающие сквозь пальцы минуты. Эти минуты стоили ей жизни? Свободы? Он не знал, что страшнее, и эта неопределённость была отдельной пыткой. Крупные, горячие слёзы, которых он не чувствовал, не осознавал, текли по его грязным, покрытым пылью и колотью щекам, смешиваясь с запёкшейся кровью из рассечённой брови, оставляя на коже солёные, разъедающие дорожки. Все его навыки, весь его хваленый интеллект, все его чёртовы нейросети, позволявшие взламывать любые системы и анализировать гигабайты данных в секунду, — всё это оказалось бесполезным, смехотворно жалким перед лицом простой, грубой, животной реальности. Он, архитектор виртуальных миров, оказался бессилен в мире реальном. Он не смог защитить самого дорогого человека.

Сколько он так просидел — минуту, пять, час? Время, эта фундаментальная физическая величина, потеряло всякий смысл. Оно превратилось в бесконечную, тягучую агонию настоящего, в котором не было ни прошлого, ни будущего. В висках стучала одна и та же, закольцованная, как испорченная пластинка, мысль: «Зачем? Зачем бежал? Зачем выжил, если не успел?» Но постепенно, медленно, словно первый, робкий, пробивающийся сквозь толщу бетона росток, сквозь удушливую пелену горя и самобичевания начало прорастать другое чувство. Сначала робко, почти незаметно, на уровне подсознания, потом всё сильнее, увереннее, вытесняя парализующую волю апатию и уступая место ледяной, кристально чистой ясности. Решимость. Холодная, твёрдая, как дамасская сталь, из которой куют клинки для последнего боя. Эта решимость, рождённая на пепелище отчаяния, была не горячей и импульсивной, а просчитанной и абсолютной. Если она жива — а он отказывался верить в обратное, пока не увидит её бездыханное тело собственными глазами, не коснётся её похолодевшей руки, — значит, её можно найти. Значит, шанс, пусть призрачный, пусть микроскопический, всё ещё есть. Если её забрали, если похитили, значит, тот, кто это сделал, действовал не в вакууме. Он оставил следы. Он неизбежно, как бы ни был осторожен, наследил. В их мире, где всё, от всевидящих камер наблюдения до микрочипов в этикетках одежды, было неотъемлемой частью единой глобальной информационной сети, человек не может просто взять и исчезнуть бесследно, раствориться в воздухе. Даже если сама сеть рухнула, поражённая вирусом или целенаправленными атаками, сами устройства, сами физические носители информации, эти кремниевые свидетели, остались. Они должны были остаться. Нужно только знать, где искать и как правильно считывать их безмолвные показания.

Он поднялся. Медленно, цепляясь за столешницу, чувствуя, как гудят натруженные, дрожащие от перенапряжения ноги, но стоял он твёрдо. Оцепенение прошло, уступив место собранности. Он подошёл к разгромленной гостиной и начал методично, с холодной головой профессионала, с тем самым аналитическим подходом, который сделал его лучшим в своём деле, осматривать место преступления. Борьба была короткой и жестокой. Аня, при всей своей внешней хрупкости и женственности, была девушкой спортивной, следила за собой, регулярно ходила на курсы самообороны и крав-мага. Она сопротивлялась. Яростно, отчаянно, до последнего. На полу, под сдвинутым диваном, в полумраке и пыли, он заметил то, что искал, сам не зная, что ищет: её браслет-компаньон. Тот самый, что он отказался надеть утром, предпочтя минимализм и чистоту восприятия. Она свой, наоборот, любила и носила не снимая. Маленький, изящный, выполненный из розового золота и белого нефрита, он валялся в пыли, в грязном кошачьем волокне, сорванный с руки в пылу борьбы. Но в отличие от намеренно раздавленного каблуком телефона, браслет был цел. Его тактильный экран был погашен, но сам корпус,

его внутренняя начинка не пострадала. Серёга поднял его двумя пальцами, словно величайшую драгоценность, как археолог, нашедший ключ к древней цивилизации.

Он был архитектором нейросетей. Он не просто пользовался ими — он знал их устройство на уровне машинного кода, на уровне движения электронов по кремниевым лабиринтам. Он знал, что такие устройства, как этот браслет, пишут не только стандартную биометрию владельца — пульс, давление, температуру, — но и огромный массив данных об окружающей среде: геолокацию с точностью до сантиметра, траекторию и вектор движения, полный звуковой фон, спектр освещения и даже молекулярный состав воздуха. И самое главное — все эти данные, этот бесценный массив цифровых улики, хранятся в защищённой, энергонезависимой памяти самого устройства, независимо от наличия связи с облаком. Они там, внутри этой маленькой капсулы. Чтобы их извлечь, интерпретировать, превратить в чёткую картину произошедшего, нужен был мощный инструмент. Его домашняя консоль, его персональная рабочая станция с прямым аппаратным доступом к резервному ядру «Умного Города». Она была там, в его кабинете, за стеной, отрезанная от глобальной сети коллапсом инфраструктуры, но всё ещё функциональная, всё ещё хранящая в своих твердотельных накопителях колоссальные вычислительные мощности. Если в городе ещё есть хоть один работающий терминал, способный считать эти данные, проанализировать их и наложить на топографическую карту, он сможет восстановить поминутный, пошаговый таймлайн произошедшего. Он сможет увидеть лицо того, кто это сделал, услышать его голос и, что самое важное, отследить, куда её увезли.

Он сжал браслет в кулаке, чувствуя его гладкую, обманчиво прохладную поверхность, которая, казалось, всё ещё хранила тепло её запястья. Отчаяние, только что душившее его своей беспросветной чернотой, окончательно отступило на второй план, уступив место ледяной, тихой, расчётливой ярости, которая не ослепляет, а, напротив, обостряет все чувства до предела. Город за окнами умирал, захлёбываясь в огне и панике. Мир, старый, привычный мир, погружался в неконтролируемый хаос Третьей мировой войны, перечёркивая все прежние правила и устои. Но для Серёги, двадцатипятилетнего IT-специалиста, чья жизнь в одночасье раскололась на «до» и «после», как зеркало, в которое ударили кулаком, началась своя собственная война. Война не за абстрактные страны, политические режимы или спорные территории, а за одного-единственного человека. За его личную, неприкосновенную вселенную. Его цель была проста, как математическая аксиома, и абсолютна, как закон гравитации: найти Аню. Чего бы это ни стоило. Даже если ради этого придётся спуститься в ад и перевернуть его вверх дном.

Он последний раз обвёл долгим, прощальным взглядом разгромленную, осиротевшую квартиру, в которой всё ещё витал её тонкий, цветочный запах. Запах, который, казалось, уже начал смешиваться с медным привкусом пролитой крови. Он впитывал каждую деталь этого пространства — их пространства, — понимая, что прежним оно уже не будет никогда. Потом повернулся, решительно, резко, как солдат, получивший приказ, и, не оглядываясь, шагнул за порог. Обратно, в пылающий, охваченный пламенем город, который из дома превратился в поле боя. У него появился план. Не просто надежда, а чёткий алгоритм действий. И он был готов следовать ему до самого конца.

Глава 5. Облава

Серёга выскочил из подъезда, всё ещё судорожно сжимая в побелевшем кулаке браслет Ани — маленький серебряный ободок, который ещё утром обвивал её тонкое запястье, а теперь превратился в единственную осязаемую ниточку, связывающую его с той, кого он любил и кого потерял в одночасье. Он замер на бетонном крыльце, ослеплённый и оглушённый, как зверёк, впервые за долгое время высунувший нос из норы и не узнавший окружающего мира. За те несколько часов, что он провёл в пустой, выпотрошенной квартире, среди разбросанных вещей и тревожной, звенящей тишины, мир снаружи изменился катастрофически, необратимо, словно кто-то всемогущий и безжалостный переключил небесный тумблер с режима «жизнь» на режим «выживание».

Небо над городом — то самое небо, которое ещё на рассвете радовало пронзительной, почти акварельной голубизной, обещая тёплый и беззаботный летний день — теперь превратилось в грязно-серый, зловеще клубящийся саван, затянутый плотной, многослойной пеленой дыма и мелкой кирпичной пыли, поднятой бесчисленными взрывами. Сквозь эту неестественную, удушливую хмарь пробивалось заходящее солнце, но его свет был не золотым и ласковым, а багровым, воспалённым, как открытая рана на теле мироздания. Это жуткое марево окрашивало всё вокруг в неестественные, апокалиптические тона: серые панели высоток казались пропитанными запёкшейся кровью, лужи на разбитом асфальте отливали ржавчиной, а лица редких прохожих, застывшие в гримасах страха, выглядели масками из какого-то древнего театра ужасов. Где-то далеко на юго-востоке, примерно в районе Каширского шоссе, к небу поднимались исполинские, чёрные, маслянисто-густые клубы дыма — такие бывают только при горении сложных химических соединений, нефтепродуктов, пластика. Судя по всему, горел нефтеперерабатывающий завод, и горел сильно, основательно, выплёвывая в стратосферу тонны канцерогенной сажи. Воздух, который вдыхал Серёга, стал физически тяжёлым, густым, почти осязаемым, он драл горло и оставлял на языке стойкий металлический привкус гари вперемешку с чем-то химическим, тошнотворно-сладким. Дышать было трудно, каждый вдох давался с усилием, словно лёгкие отказывались принимать эту отравленную субстанцию.

Двор жилого комплекса «Зелёная Гавань» — тот самый двор, который ещё утром был островком респектабельного благополучия и тщательно ухоженного спокойствия, с его дизайнерскими клумбами, фигурно подстриженными кустарниками и детской площадкой, выстланной мягким, пружинящим покрытием, — теперь напоминал зону боевых действий, декорацию к постапокалиптическому фильму, только без кинематографического глянца, а с пугающей, осязаемой достоверностью. Картина была сюрреалистической в своей жестокости. Обломки фасада — куски декоративной плитки, обрывки утеплителя, искореженные рамы — валялись повсюду, словно после прямого попадания. Битое стекло хрустело под ногами с мерзким, пронзительным звуком, который отдавался в зубах и нервах, создавая ощущение, что ступаешь по раздробленным костям. Некогда изумрудно-зелёные, идеально ровные газоны, гордость местного ландшафтного дизайнера, были перепаханы, взрыты, истерзаны широкими гусеницами. Только сейчас, оглядевшись по сторонам в этом новом, жутком свете умирающего дня, Серёга заметил то, что упустил ранее, когда в панике вбегал в подъезд, гонимый лишь одной мыслью — найти Аню. Чёткие, глубокие, безжалостные следы тяжёлой бронетехники пересекали двор наискосок, вспарывая землю и асфальт, ведущие куда-то в сторону проспекта. Следы эти были свежими, края борозд ещё не обветрились, и они рассказывали без слов о том, что здесь про-

шла война — не в телевизоре, не в новостной ленте, а здесь, прямо здесь, по этому самому двору.

И ещё он увидел их. Тех, кто окончательно, без права на апелляцию, утвердил новую, военную реальность.

Из соседнего подъезда, двери которого были выбиты и висели на одной петле, жалобно поскрипывая, выходил военный патруль. Трое мужчин в полной боевой экипировке, затянутые в камуфляж нового, цифрового образца «Мультикам», который, как ни странно, отлично подходил к городским развалинам. Они двигались с той особой, профессиональной, экономной хищной грацией, которая отличает опытных солдат от новобранцев. Их лица скрывали тактические шлемы с затемнёнными, зеркальными забралами, придававшие им нечеловеческий, inferнальный вид бездушных машин, лишённых индивидуальности и сострадания. Серёга рефлекторно отметил детали: модульные разгрузочные жилеты, набитые подсумками, портативные рации на плечах, усиленные наколенники и налокотники, и оружие — короткоствольные автоматы с обвесом, которые он раньше видел только на специализированных выставках и в аналитических обзорах. Они вели под руки четвёртого — гражданского. Это был мужчина лет тридцати пяти, с самым обычным, незапоминающимся лицом, в растянутой домашней футболке с логотипом какой-то рок-группы и потёртых джинсах. Его босые ноги, неестественно белые в этом багровом полумраке, ступали по битому стеклу и острым обломкам, и он, кажется, даже не чувствовал боли от порезов — настолько велик был шок. Он не сопротивлялся, не кричал, не вырывался, просто шёл, механически переставляя ноги, спотыкаясь, с выражением абсолютного, всепоглощающего, непонимающего ужаса на посеревшем, осунувшемся лице. Этот ужас был хуже крика — это был ужас человека, чья картина мира рухнула в одно мгновение, как карточный домик под порывом урагана. Один из солдат держал в руках не планшет, а какое-то специализированное устройство, похожее на массивный сканер с толстой рукояткой, и по тому, как он методично, без каких-либо эмоций, проводил им перед лицом задержанного, сканируя сетчатку, считывая биометрию, Серёга понял: идёт фильтрация. Та самая, о которой шептались в курилках и чатах. Мобилизация началась. Не на словах, не в рамках учений, а самая настоящая, всеобщая, жестокая, как удар прикладом в зубы. Всё, о чём тревожно говорили в новостях последние месяцы, всё, во что не хотелось верить до последнего, отмахиваясь как от очередной панической утки или сценария для антиутопии, стало реальностью в одночасье, накрыв их всех с головой.

Инстинкт самосохранения — древний, рептильный, могучий — сработал быстрее разума, быстрее логического анализа, быстрее моральных оценок. Прежде чем он успел осознать, что делает, Серёга метнулся обратно, словно загнанная крыса, в спасительную, прохладную тень подъезда. Он прижался спиной к холодной, шершавой бетонной стене так сильно, будто хотел врасти в неё, слиться с ней, стать частью этой бездушной конструкции, лишь бы остаться незамеченным. Пульс грохотал где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев, сердце колотилось о рёбра с такой силой, что, казалось, его удары эхом разносятся по всему парадному, выдавая его убежище с головой. Дышать приходилось ртом, короткими, паническими всхлипами. Он понимал, что это значит, понимал с кристальной, леденящей душу ясностью, которая приходит только в моменты настоящей опасности. Ему двадцать пять лет. Он находится в отличной физической форме, даже несмотря на ранение. Он здоров. И он годен. По всем законам военного времени, которые, судя по всему, уже вступили в силу, принятые где-то в подземном бункерном командном центре за те несколько часов, что мир неудержимо катился в огненную бездну, он — идеальный кандидат на призыв. Ходячий ресурс. Цифра в разрядке. И если его заметят сейчас, если схватят, если посадят в этот крытый грузовик и увезут

на сборный пункт — всё будет кончено навсегда. Не будет второго шанса, не будет возможности исправить ошибку. Аня останется одна, беспомощная, в руках тех, кто её похитил — кто бы они ни были, террористы, мародёры или кто-то ещё страшнее — и он никогда не узнает, что с ней стало. Никогда не увидит её улыбки, не услышит её голоса, не сможет прийти на помощь. Эта мысль была невыносимее страха смерти, она обожгла его изнутри, как раскалённый прут, и придала сил.

Он осторожно, миллиметр за миллиметром, задерживая дыхание, выглянул из-за дверного косяка. Действие разворачивалось как на медленной, мучительно-детальной съёмке. Патруль уже загрузил босого мужчину в армейский грузовик «Урал-4322» — грязно-зелёную машину с брезентовым верхом, который стоял, блокируя выезд из двора, под аркой, ведущей на проспект. Задний борт был откинут, и в тёмном чреве кузова виднелись смутные фигуры таких же гражданских. Теперь двое солдат, чётко переставляя тяжёлые ботинки по разбитому асфальту, направлялись к его подъезду. Их шаги, гулкие и ритмичные, отдавались в висках Серёги похоронным маршем. От них веяло неотвратимостью, спокойной, уверенной силой государственной машины, которая не знает сомнений и исключений. Третий, тот, что со сканером, остался у кабины грузовика, что-то скупно и отрывисто докладывая по рации, прижимая ларингофон к горлу. Что делать? Бежать? Инстинкт кричал «беги», но разум холодно оценивал обстановку. Куда бежать? Двор был замкнут со всех сторон высотными корпусами, единственный выезд наглухо перекрыт бронетехникой, которая смотрела на него фарами-глазами. Лестница вела только вверх, на технический этаж, а оттуда на крышу — но крыша была бы ловушкой, бетонным мешком без выхода. Прыгать с двадцатого этажа — способ гарантированного самоубийства. Оставалось одно — идти вперёд, как на эшафот, и попытаться воззвать к разуму, к человечности, попытаться объяснить, доказать, что у него особая ситуация, что он не просто «единица призывного ресурса», что ему нужна отсрочка. Он же специалист, ценный кадр, он работает на оборонку, в конце концов, его мозги сейчас нужнее в тылу, чем его тело в окопе! В его сознании всплыли лекции по гражданской обороне, статьи из корпоративного вестника, где писали о «бронировании ключевых IT-специалистов». Они должны понять. Они обязаны. Другого выхода просто нет.

Собрав в кулак всю свою волю, всю решимость, которую он мог найти в опустошённой душе, он вышел из подъезда, медленно, плавно, подняв руки с раскрытыми ладонями, демонстрируя, что он не вооружён и не представляет угрозы. Это был жест капитуляции, но не поражения. Браслет Ани, этот крошечный ободок, который хранил тепло её кожи и запах её духов, он успел незаметно переложить во внутренний, потайной карман рубашки, поближе к сердцу. И теперь он жёг ему грудь, словно раскалённый уголёк или маленький талисман, который и причинял боль, и давал силы.

— Стой! Руки держи так! Не опускать! — резкий, металлический голос, усиленный динамиками тактического шлема и искажённый до неузнаваемости, хлестнул по нервам, как бич. Солдаты отреагировали молниеносно и синхронно, с отработанной до автоматизма чёткостью: короткоствольные автоматы мгновенно взлетели вверх, и две алые, колющие точки лазерных целеуказателей, слегка подрагивая, упёрлись ему точно в центр груди. Серёга замер как вкопанный, чувствуя, как по позвоночнику стекает струйка ледяного, липкого пота. Он буквально кожей ощущал прикосновение этих маленьких красных звёздочек, каждая из которых могла в следующую секунду превратиться в кусочек раскалённого свинца.

— Я гражданский! — крикнул он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, уверенно, но он предательски сел, охрипнув от нервного напряжения. — Я без оружия! Мне нужна помощь!

Мою девушку похитили, она пропала, вы понимаете? Мне срочно нужно её найти, она в опасности, я...

— Заткнись! — грубо оборвал его первый солдат, тот, что был ближе, резко взмахнув стволом автомата. Голос его, пробиваясь сквозь электронные фильтры, звучал молодо, почти по-мальчишески, но в нём слышалось такое напряжение, такое запредельное нервное возбуждение, что спорить с ним было смертельно опасно. — Документы! Быстро!

— У меня нет с собой, слушайте, все мои данные в нейроинтерфейсе, в облаке, но сеть упала, я не могу к ним получить доступ... — начал торопливо объяснять Серёга, понимая, как жалко и неубедительно это звучит в условиях, когда привычный цифровой мир рухнул, но тут осёкся, потому что заметил краем глаза движение в том подъезде, который патруль только что покинул. Оттуда вышли ещё двое военных. Они вели под руки, почти волокли по земле, пожилую женщину с пятого этажа — ту самую тихую, сгорбленную старушку-божий одуванчик, которую он знал в лицо и которая каждое утро, в любую погоду, выносила во двор тарелку с кормом для бездомных кошек. Сейчас её лицо было залито слезами, морщинистое, беспомощное, она что-то тихо и монотонно причитала, прижимая к груди старую, потертую иконку. Её тоже вели к грузовику. Бабушку. Этот образ — кошатницу, которую тащат как преступницу — произвёл на Серёгу парализующее впечатление. Значит, не разбирают никого. Значит, разнарядка на всех.

— Какая, к чёрту, девушка, пацан? Ты что, с луны свалился? — второй солдат, тот самый, что держал сканер, уже подошёл вплотную, и от него пахло потом, оружейной смазкой и чем-то горьким, похожим на пороховые газы. Без каких-либо церемоний и объяснений он прижал пластиковую пластину сканера к виску Серёги, грубо ткнув ею в висок. Тот почувствовал лёгкое, чуть болезненное покалывание — это устройство считывало его биометрию, пробивая отпечатки пальцев и рисунок радужки по каким-то автономным, защищённым базам данных, не зависящим от общей гражданской сети. — Война, пацан. Ты глаза разуй, посмотри вокруг! Видишь, что творится? Небо горит, земля дрожит! Никаких «мне нужно» больше нет. Теперь всем нужно только одно — выжить. И Родину защищать. Это твоя новая реальность, привыкай.

— Послушайте! — Серёга сделал ещё одну, отчаянную попытку. Он попытался говорить спокойно, рассудительно, как на деловых переговорах, но голос предательски сорвался на фальцет, выдавая его панику. — Я не просто гражданский. Я IT-специалист высокой квалификации, архитектор нейросетей, я ведущий разработчик в проекте «Сколково-Тех»! У меня должна быть бронь от призыва, понимаете? Это стратегическая отрасль! Я могу быть полезен Родине не в окопе с автоматом, а в серверной, восстанавливая систему управления и связи! Я принесу больше пользы...

Солдат со сканером, который до этого действовал механически, как автомат, вдруг остановился, убрал прибор и медленно, с какой-то усталой театральностью, поднял забрало шлема. Серёга вздрогнул, встретившись взглядом с этими глазами. На него смотрели не бездушные линзы, а усталые, воспалённые, красные от недосыпа глаза человека, который за последние часы видел столько смертей, крови и разрушений, что чужая личная драма, чужая потерянная девушка, перестала для него существовать как что-то значимое. Это были глаза человека, который уже прошёл свою точку невозврата и сжёг за собой все мосты с прошлой, мирной жизнью.

— Сергей Андреевич Волков, 2005 года рождения. Двадцать пять лет, — прочитал он с экрана планшета монотонным, лишённым интонаций голосом, словно зачитывая приговор. —

Категория годности А1. Абсолютно здоров. Бронь? — он криво, горько усмехнулся, отчего его обветренные губы треснули ещё сильнее. — Не смеши меня, пацан. Приказ о всеобщей мобилизации подписан около часа назад. Вся твоя «бронь», всё твоё элитное «Сколково» сейчас в подвалах глубокого залегания сидит, если вообще ещё цело и не разбомблено. Твои начальники сейчас себе бронь выписывают, а не тебе. Ты — мужчина призывного возраста, физически здоров, категория А1, мечта военкома. А значит, ты сейчас поедешь с нами. Без вариантов, без разговоров, без истерик. Всё, точка.

— Да вы не понимаете! — отчаяние, смешанное с яростью, захлестнуло его с головой, смывая остатки самоконтроля. Серёга рванулся, пытаясь вырвать руку из цепкого, словно стальной капкан, захвата солдата, но тот мгновенно, профессиональным движением заломил её за спину в болевом приёме, выворачивая кисть под неестественным углом. Острая, пронзительная боль пронзила раненое предплечье, заставив его вскрикнуть и прикусить губу до крови. — Её похитили! У меня доказательства есть, вот, браслет её! Я могу показать! Дайте мне хотя бы сутки! Всего одни сутки! Я найду её и сам, добровольно, приду в военкомат, клянусь вам! Дайте мне шанс!

— Сутки? — солдат с усталыми глазами снова горько усмехнулся, и в этой усмешке была вся скорбь человека, который уже лишился всего. Он покачал головой, и его голос стал чуть тише, почти человеческим, но от этого ещё более жутким. — Сутки... У нас самих семей нет, пацан. У меня жена в Мытищах, и связи с ней нет с полудня. Ни голоса, ни сообщения. Думаешь, мне её не хочется найти, не хочется бросить всё и побежать туда, расталкивая всех локтями? Все хотят. У каждого здесь, — он ткнул пальцем в свою грудь, — своя боль и своя надежда. Но приказ есть приказ. Мы на службе. Грузите его. Немедленно.

Его потащили к грузовику, грубо, не церемонясь, волоча ногами по разбитому асфальту. Серёга упирался, брыкался, кричал, пытался объяснить, но его слова тонули в нарастающем, вибрирующем гуле, который заполнил всё пространство. Где-то совсем рядом, кажется, прямо над крышами домов, на бреющем полёте снова пронеслись истребители, и их чудовищный, разрывающий барабанные перепонки рёв перекрыл все звуки, сделав его крики беззвучной пантомимой отчаяния. Он чувствовал, как реальность ускользает, как его личная жизнь, его воля, его святая миссия спасти Аню, рассыпаются в прах под натиском безликой, безжалостной, многотысячетонной государственной машины. Это было чувство абсолютного, экзистенциального бессилия. У арки он увидел, как в тёмный кузов «Урала» уже без всяких церемоний забросили и ту самую плачущую кошатницу с пятого этажа, и ещё несколько человек, которых выволокли из соседних домов — молодых и старых, испуганных и апатичных, мужчин и женщин. Военная машина, перемалывая людей, не делала различий по возрасту и полу, она была слепа и всеядна.

— Аня! — закричал он в отчаянии, вложив в этот крик всю свою боль и всё своё бессилие, когда его, словно мешок с картошкой, сильными руками перевалили через высокий металлический борт грузовика. Он тяжело рухнул на жёсткую, неструганую деревянную скамейку, больно ударившись плечом и копчиком. В кузове царил полумрак, пахло бензином, старой резиной и человеческим страхом. Рядом с ним, плечом к плечу, сидели такие же, как он — растерянные, помятые, с широко распахнутыми от шока глазами, ничего не понимающие гражданские люди, вырванные из привычной жизни в одно мгновение. Кто-то из женщин тихо, взхлёб плакал, прижимая к лицу носовой платок, какая-то старуха в рваном плаще монотонно шептала молитву, перебирая чётки, а один молодой парень в дорогом, но грязном пальто просто сидел, безучастно уставившись в одну точку на брезентовой стене пустыми, остекле-

невшими глазами, в которых не осталось ничего, кроме пустоты. Тяжёлый, пахнувший пылью и выхлопными газами брезентовый полог задёрнули, отрезав их от внешнего мира, и кузов погрузился в тревожный, колышущийся при каждом толчке полумрак. Лязгнула задвижка снаружи. Ловушка захлопнулась.

Серёга, преодолевая пульсирующую боль в ушибленном плече и жгучую, ноющую боль в раненой руке, которую тот солдат чуть не вырвал из сустава, медленно, с трудом сел, привалившись ноющей спиной к холодному, вибрирующему металлическому борту. Грузовик взревел мощным дизельным двигателем и, дёрнувшись всем корпусом так, что все сидящие повалились друг на друга, начал движение. Колонна, тяжело переваливаясь на ухабах и перемалывая гусеницами обломки, направлялась к сборному пункту. Куда именно — не знал никто из находящихся в кузове. Может быть, на восток, в тыловые лагеря, для формирования новых частей и хоть какого-то обучения. А может быть, сразу на передовую, навстречу канонаде, затыкать бреши в дышащей на ладан обороне, брошенными как пушечное мясо. От этой мысли веяло ледяным холодом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.